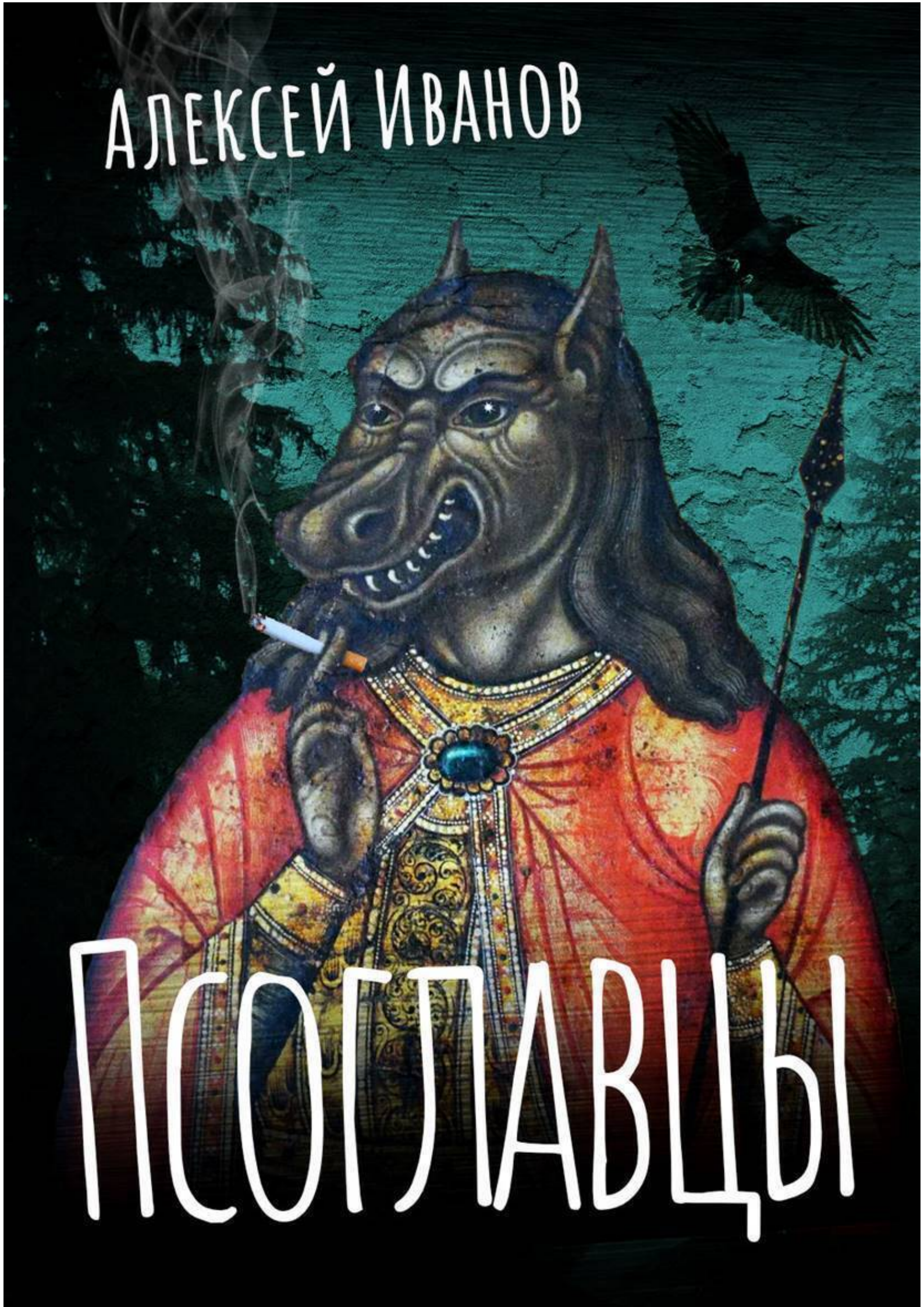

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ПОСОЛЫ

Дэнжерологи

Алексей Иванов

Псоглавцы

«ИП Алексей Иванов»

2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванов А. В.

Псоглавцы / А. В. Иванов — «ИП Алексей Иванов»,
2011 — (Дэнжерологи)

ISBN 978-5-17-097387-3

«Трое молодых москвичей приезжают на “халтурку” в глухую деревню Поволжья: им надо снять со стены заброшенной церкви погибающую фреску. На фреске – еретическое изображение святого Христофора с головой собаки. Оказывается, деревня в старину была раскольничьим скитом, а “халтурка” – опыт таинственных дэнжерологов, “сапёров” мировой культуры. И во мгле торфяных пожаров утраченная историческая память порождает жуткого Псоглавца – то ли демона раскольников, то ли бога лагерной охраны. Если угодно, это жанровый роман, ужастик про оборотней. Если угодно – новая деревенская проза. Если угодно – стилизация под веб-сёрфинг по теме русского раскола. Но в целом “Псоглавцы” – история про незримые границы культуры и стражей этих границ. У любого общества есть определённый круг убеждений, и общество не разрешает человеку покидать этот круг, а если человек осмеливается выйти за священный предел, то в погоню за ним кидаются чудовища». Алексей Иванов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097387-3

© Иванов А. В., 2011
© ИП Алексей Иванов, 2011

Содержание

Википедия: статья «Дэнжерология»	6
1	10
2	14
3	19
4	23
5	28
6	33
7	38
8	42
9	47
10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Викторович Иванов

Псоглавцы

© Иванов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Википедия: статья «Дэнжерология»

Дэнжерология – профессиональный *жаргонизм*, производимый от английского «danger» – «опасность». Обозначает а) науку – синтез *эзотерики*, культурологии и различных отраслей других дисциплин (истории, *антропологии*, социологии, статистики и т. д.), изучающую *паранормальные* свойства арт-объектов и исторических реликвий; б) практическую деятельность по обнаружению, изучению и «обезвреживанию» опасных для человека арт-объектов и исторических *реликвий*.

Церковная дэнжерология

Традиционно считается, что дэнжерология в виде системы воззрений и практических навыков зародилась в недрах института *католической церкви* как инструментарий комиссий по установлению чудотворности икон. Базовым основанием чудотворности церковь считает концепцию *Божьей благодати*. Эта идея впервые была сформулирована блаженным *Августином*, возводившим культ чудотворных икон к *теургическим* практикам *неоплатоников*.

В католичестве различают 5 периодов развития дэнжерологии:

«До-Августинский» период – до V века, когда теория будущей дэнжерологии выводилась из трудов *Фалеса Милетского*, а практика – из античных *мантик*.

«До-Фоминский» период – до XIII века, когда теория и практика будущей дэнжерологии выводились из философии *Аристотеля*.

Доминиканский период – до XVI века, когда возобладала концепция *Благодати* Господней.

Реформационный период – до конца XIX века, когда основные постулаты дэнжерологии вновь были сведены к учению *Аристотеля*.

Новый период – до наших дней, когда в теорию и практику дэнжерологии активно включались положения современной науки.

С «*Авиньонского пленения пап*» начинается развитие не-церковной дэнжерологии, сливающееся с эзотерическими практиками Европы, а потом Востока: с *астрологией*, *нумерологией* и т. п. Теоретики «светской дэнжерологии» опирались на труды *Роджера Бэкона*. Считается, что «светская дэнжерология» прошла два этапа развития: «алхимический» и «масонский». В конце XIX века произошло воссоединение «светской» и «церковной» ветвей дэнжерологии.

Кроме того, с XI по XIV века развивалась т. н. «дэнжерология *крестоносцев*» или «еретическая дэнжерология», вдохновлённая *буллой* папы *Урбана II*. По её утверждениям, сфера применения знаний и навыков «дэнжерологов» той эпохи – борьба с проявлениями дьявола. С окончанием *крестовых походов* это направление дэнжерологии разделилось и слилось частично с *экзорцизмом*, частично с практиками *Каббалы*.

В настоящее время церковная дэнжерология сохранилась в виде *Малого дикастерия* Святого Престола при Ватиканской *Пинакотеке*.

Светская дэнжерология

В настоящее время наиболее значимыми являются дэнжерологические организации Ватикана (Малый дикастерий, см. выше), Великобритании, США, Израиля и России.

Первый светский центр дэнжерологии был создан при Департаменте юстиции США в 1902 году как «Свободный комитет шауни». Параллельно расследованию убийства президента

Уильяма *Мак-Кинли* он расследовал т. н. «проклятие *Текумсе*», преследующее президентов США. В 1908 году «Комитет шауни» был передан в ведение Бюро Расследований (будущее ФБР) и при *Эдгаре Гувере* получил современное название – «Офис Е-502».

В 1929 году при Британском музее была создана «Комиссия *Карнарвона*», которая расследовала т. н. «проклятие фараонов». Сфера деятельности Комиссии постепенно расширилась до изучения всех паранормальных явлений, связанных с экспонатами Британского музея и других государственных музеев Англии, и в 1931 году Комиссия была преобразована в «Лабораторию имени *Говарда Картера*».

В 1935 году в Германии учёный и мистик *Герман Вирт* создал общество «*Аненербе*», которое в 1937 году рейхсминистр Гиммлер интегрировал в состав СС. Это было самое деятельное дэнжерологическое подразделение с самым щедрым финансированием со стороны государства. В 1945 году, после падения Третьего Рейха, «Аненербе» прекратило существование, а специалисты и архивы перешли в ведение секретных отделов *НКВД СССР*.

С 1938 по 1943 год при Стамбульском университете работала дэнжерологическая кафедра исламских памятников, которую возглавлял профессор *Ахмет-Заки Валиди*.

С 1946 года в Центре изучения Каббалы читается курс «*Сефер Ашлага*», введённый равви *Иегудой Ашлагом*. При Центре в Иерусалиме действует «*Скиния сайаним*», занимающаяся дэнжерологической практикой. Поскольку эмблемой службы является *менора*, «светильник знаний», распространено мнение, что «*Скиния сайаним*» – законспирированное подразделение *Моссада*. Труд Иегуды Ашлага «*Сефер Ашлага*» является одним из основополагающих руководств современной дэнжерологии.

На сегодняшний день в мире существует около 70 дэнжерологических организаций. Европейские организации объединены в Ассоциацию NASS со Штаб-квартирой в *Базеле*, Швейцария. В 1988 году NASS стало подразделением 20 кластерного офиса (офиса «*дигамма*») ЮНЕСКО. Финансированием деятельности негосударственных организаций дэнжерологии занимается Континентальный музейный фонд (КМФ).

Дэнжерология в России

В допетровской России не существовало отдельно оформленного церковного института дэнжерологии, понимаемой в то время исключительно как службы *канонизации* святых и установления подлинности чудотворных, *мироточивых*, явленных и проч. икон, а также борьбы с ересями. В синодальный период истории РПЦ 17 департамент Синода (т. н. «Департамент святого обращения»), в ведении которого находились вопросы, подпадающие ныне под компетенцию дэнжерологии, был создан лишь в 1826 году, т. к. в XVIII веке РПЦ был канонизирован лишь *один святой*, а после смерти императора *Александра I* по России стали распространяться слухи об уходе императора «от мира» и его тайной жизни под именем старца *Федора Кузьмича*. Самые известные расследования 17 департамента – дело № 22 «о Кузьке-боге», дело № 70 «о возвращении самосожжённых», дело № 77 «о святой Кикладе», дело № 106 «о ковчежце Завета», дело № 130 «о Палестинском обществе», дело № 141 «о жертвоприношении инородцев» (дело нашло отзвук в романе Л. Толстого «*Воскресение*»), дело № 189 «о святом чёрте *Григории Распутине*».

Светская дэнжерология России связана с именем искусствоведа *Игоря Грабаря*. По его инициативе и под его началом в 1904 году был создан общественный комитет по определению подлинности различных списков и вариантов *иконы Казанской Богоматери*, которые выдавались за спасённую от вандала подлинную икону. Дэнжерологическая деятельность было продолжена в 1918 году созданием отдела при *Реставрационных мастерских*, которые возглавил Грабарь. С его уходом с поста руководителя в 1930 году и разгромом мастерских в 1934 году все работы прекратились.

Дэнжерологическая деятельность возобновилась в СССР в 1942 году, когда до сведения маршала *Георгия Жукова* была доведена история вскрытия гробницы *Тамерлана* 22 июня 1941 года в Самарканде в мавзолее *Гур-Эмир*. При отделе партийной работы НКВД СССР был создан Комитет культурных влияний, который добился возвращения праха Тамерлана в мавзолей. Координатором Комитета был назначен И. Грабарь, которому в 1944 году разрешили вновь открыть Реставрационные мастерские. При них Комитет действовал до 1960 года, потом, после смерти Грабаря, был передан в ведение *Государственного Эрмитажа* (т. н. «Отдел четвёртого этажа»), при котором действовал до 1992 года под патронажем КГБ СССР. Круг расследуемых вопросов касался только арт-объектов и реликвий не-русского происхождения. В качестве консультантов привлекались такие специалисты, как *Дмитрий Лихачёв*, *Юрий Лотман*, *Михаил Гаспаров*, *Владимир Пропп*, *Борис Рыбаков*, *Отто Бадер*, *Яков Лурье* и др.

В 1992 году отдел выделился из состава Эрмитажа в самостоятельный государственный НИИ культурологических исследований, но в 1995 году прекратил существование из-за отсутствия финансирования. Несколько сотрудников НИИ организовали частную дэнжерологическую службу России (ДСР), которая в 1997 году вошла в европейскую Ассоциацию NASS.

Теория дэнжерологии

Дэнжерология рассматривает арт-объекты и исторические реликвии как носители или аккумуляторы больших объёмов информации. Вещь, запечатлевшая в себе важную поведенческую стратегию определенной культурно-исторической ситуации в дэнжерологии получила название «сабджект». В среде, которая породила «сабджект», он безопасен, потому что его «программа» полностью тождественна поведенческим стратегиям среды. Когда «сабджект» переносится в иную среду, он может становиться опасным, т. к. стратегия поведения, которую он продуцирует, в новой среде может нести угрозу для человека. Устранение этой угрозы и есть поле деятельности дэнжерологов-практиков.

Существуют две школы дэнжерологии.

Принстонская школа дэнжерологии («психологическая») полагает, что информационный обмен между человеком и «сабджектом» происходит вне сознания человека и этим приближается к «архетипической психологии» *Джеймса Хиллмана*. Человек, подвергшийся воздействию «сабджекта», начинает вести себя по программе «сабджекта», не отдавая себе в том отчёта. Таким образом, «сабджект» меняет стратегии поведения человека, следовательно, выступает в качестве «гипнотизёра».

Школа дэнжерологии *Хьюго Перселла* («паранормативная») считает, что «сабджект», пользуясь ментальной активностью реципиента, меняет среду вокруг него, а человек не подвергается «внушению» со стороны «сабджекта» и действует вполне осознанно, но не осознаёт изменения среды.

Методика и практика дэнжерологического расследования

Дэнжерологическое расследование обычно подразделяется на четыре этапа.

Первый этап: обнаружение *аномалии*. Действие «сабджекта» проявляется в появлении аномалий и перверсий: резких и необъяснимых перемен жизни, типологически-единичных аберраций поведения нескольких субъектов, смертей, фобий, локальных поверий, видений и т. п. На этом этапе используются методы статистики, социологии, психологии и *социальной медицины*.

Второй этап: обнаружение «сабджекта». Анализируя аномальные явления, дэнжеролог устанавливает продуцирующий их «сабджект». На этом этапе используются методы исторического расследования, искусствоведения и *криминалистики*.

Третий этап: выяснение механизма действия «сабджекта». Путём опытов и практических наблюдений дэнжеролог проводит идентификацию «сабджекта» и анализ культурно-исторической несовместимости среды его появления и окружающей «сабдъект» среды. На этом этапе используются методы психологии, культурологи и естественных наук.

Четвёртый этап: нейтрализация «сабджекта». Изменение статуса «сабджекта» всегда ситуативно и зависит от наличествующих обстоятельств. Уничтожение «сабджекта» считается свидетельством непрофессионализма.

1

– За бортом полное пекло, – сказал Гугер, искоса глянув на панель с приборами. – Плюс тридцать два. Африка, блин.

Левую руку он безвольно вывесил в открытое окно, меж пальцев дымилась сигарета. Правой рукой Гугер крепко держал руль.

– Когда ты стекло опускаешь, весь холод просто вылетает, – недовольно заметил Валерий, ладонью подгребая себе в лицо воздух от сопла автомобильного кондишна.

Кирилл сидел в салоне и ногой придерживал кофры.

Тёмно-синий микроавтобус «мерседес» катился по гравийной дороге, переваливаясь с боку на бок. Грейдер по этой дороге последний раз гоняли года три назад, не меньше, и с тех пор колёса автомобилей и весенние ручьи накопили новые ухабы и колеи. Гугер вёл автобус по встречной полосе. «Закон Мерфи, – пояснил он, когда за посёлком Рустай закончился асфальт. – Соседняя очередь всегда движется быстрее, а встречная полоса всегда более ровная».

Здесь, вокруг реки Керженец, тоже горели торфяники. Дорога лежала на дне густого леса, словно в осиновом ущелье. По ущелью вяло полз поток сизой мглы, душной и жгучей. Размытое и бледное пятно солнца висело в перспективе дороги, стекая к горизонту.

Кирилл подумал, что эта муть высасывает все силы. В движении машины, в зыбкости марева глаза мучительно пытаются определить неверные очертания деревьев и дороги, будто бы напряжением воли сконцентрировать расплывшиеся вещи в прежних чётких формах, но ничего не получается, только напрасное истощение разума.

Гугер выбросил окуроч, перехватил руль левой рукой, а правой вытащил откуда-то маленькую бутылку воды «Перье» и протянул её горлышком к Валерию:

– Вэл, открой.

Гугер, не отрываясь, смотрел вперёд на дорогу. Валерий с хрустом свинтил с горлышка бутылки металлическую пробку. Гугер сунул горлышко в рот и, как в бочку, без остановки перелил минералку в себя. Пустую бутылку он швырнул наружу и надавил пальцем клавишу, поднимая в окошке стекло.

– Вон же сзади мешок для мусора стоит, – укорил Валерий.

– Да пофиг.

– Здесь заповедник.

– Да пофиг.

Кирилл молча смотрел на дымные заросли. Такой же дым месяц назад затопил Кутузовский, где он жил. С восьмого этажа земля уже не просматривалась. Блочные высотки на другой стороне проспекта плыли в тумане, будто айсберги. Окна в квартире, что снимал Кирилл, были наглухо закрыты, стеклопакеты не пропускали запах гари. Но квартира раскалилась, как мангал, а вместо кондишна у Кирилла был дурацкий вентилятор, который тупо месил жару, взбивая в масло.

Вероника в одних трусах стояла у окна, задумчиво барабанила пальцами по раме, смотрела на призрачный город. Спина её блестела от пота, черные волосы прилипли к плечам. «Кирюша, это всё несерьёзно», – негромко, но убеждённо произнесла Вероника.

– Притормози, – вдруг встрепенулся Валерий.

«Мерседес» мягко увяз в зное. На обочине, отшагнув в бурьян, стояла женщина с рюкзаком и в платочке. Валерий опустил стекло.

– Нам в Калитино, – сказал он женщине.

– А то она не догадалась, – скептически буркнул Гугер.

Дорога вела только в Калитино и больше никуда. В округе и не было других деревень.

Кирилл пригнулся и посмотрел на женщину сквозь пыльное окно. Ему показалось, что этой деревенской бабе лет сорок. Она нелепо дёргала на себя ручку роликовой дверки «мерседеса».

– Кир, открой ворота этой дуре, – оглянулся Гугер.

Кирилл потянулся, отщёлкнул замок и толкнул дверку в сторону. Дверка откатилась, и в салон ввалился густой банный жар с запахом углей и веников. Женщина, наклонившись, неловко влезла в автобус, цепляясь обеими руками за края дверного проёма.

– Сюда, – велел Кирилл и пошлёпал по сиденью напротив себя.

Женщина послушно села, не снимая рюкзака. Кирилл с разгоном закатил дверку обратно и грохнул ею.

– По лбу себе дай! – ругнулся Гугер через плечо. – Это тебе не «ГАЗель», дверью-то бабахать!

В салоне микроавтобуса должны были стоять четыре ряда диванчиков, но ещё в парке, где Валерий брал «мерседес» в прокат, Гугер снял два последних ряда. Теперь на их месте лежали пластиковые ящики, кофры из жёсткой тезы и зелёные армейские канистры – багаж и снаряжение экспедиции. В дороге Кирилл следил, чтобы на ухабах эта груда не развалилась. Пассажира можно было посадить только на диванчик, соседний с диванчиком Кирилла.

Женщина с рюкзаком за спиной притулилась на краешке сиденья. Она держалась за лямки, будто за ремни парашюта. Кирилл рассматривал попутчицу. Стоптаные городские ботинки, серые от сухой грязи. Вытянутые треники с выцветшим двойным лампасом. Заправленная в штаны клетчатая рубашка. Рукава раскатаны, а обшлага застёгнуты – от комаров. Блёклый платок туго обматывал всю голову.

– В Калитино живёте, или на даче здесь? – спросил Кирилл.

Женщина быстро глянула на него и кивнула. Кирилл не понял, местная она или нет. Зато понял, что ни шиша ей не сорок лет. Лет двадцать с небольшим, как и ему. Просто загорелая и одета как баба.

– Как тебя зовут?

Попутчица вцепилась в лямки рюкзака и молчала, опустив глаза.

– Да ладно, чего ты, – улыбнулся Кирилл. – Я Кирилл, это Валера, это Гугер. Мы к вам в деревню в экспедицию едем, на неделю.

Попутчица вдруг странно кулдыкнула и как-то икнула, словно её тошнило. Она совсем отвернулась, горло её напряглось.

– Ль-ль... – промычала она. – Ль-ль...

– Немая, что ли? – оглянувшись, удивился Гугер.

– Денис, это бестактно, – негромко сказал Валерий.

– Я не Денис. Я Гугер. Гу-гер.

– Лена? – подсказал Кирилл.

Попутчица отрицательно помотала головой.

– Лида? – предположил Валерий.

– Лиза?

Кирилл понял, что угадал. Попутчица кивнула.

– Рюкзак-то сними, неудобно же.

Такой допотопный брезентовый рюкзак типа «колобок» Кирилл видел у родителей в кладовке. Наследие пионерского детства.

Не вставая, Лиза выгнулась, неловко вытаскивая руки и плечи из лямок рюкзака. Кирилл увидел, как у неё на груди остро натянулась рубашка. Девушка явно волновалась. Кирилл подумал, а какие у неё трусы? Не стринги же. Рейтузы какие-нибудь байковые до ляжек.

Кирилл вытащил из-за спины Лизы рюкзак, Лиза забрала его и положила себе на колени, словно прикрываясь рюкзаком от взглядов.

– За грибами в лес ходила? – спросил Кирилл.

– Для грибов пока не сезон, – наставительно заметил с переднего сиденья Валерий.

– Лыко драла, – хмыкнул Гугер.

– За ягодами?

Лиза кивнула.

– Продай ягод, – тотчас попросил Гугер. – Сколько возьмёшь?

Глядя в пол, Лиза затрясла головой, пытаясь назвать цену, и наконец показала два пальца.

– Две тысячи? – спросил Кирилл.

– Двести? – поправил Валерий.

Лиза кивнула.

– Баксов? – оглянулся Гугер.

Лиза не отреагировала. Похоже, она не знала, что такое баксы.

– Идёт, – согласился Валерий. Он заведовал кассой.

Лиза послушно отстегнула клапан рюкзака и развязала шнурок. В рюкзаке стояла обрезанная поверху пластмассовая канистра. Лиза достала из неё газету в розовых пятнах сока и, наклонив рюкзак, показала, что канистра на треть полна земляникой. Чтобы собрать столько земляники вручную, Кириллу потребовалось бы пять дней.

– Зачем нам столько? – запротестовал Валерий, выглядывая из-за подголовника. – Нам грамм триста. Просто у меня желудок слабый.

Кирилл достал из мусорного мешка пустую пластиковую бутылку, вытащил нож из ножен на ремне и с треском разрезал бутылку пополам. Получилось нечто вроде стакана. Кирилл опустил его в канистру и осторожно нагрёб земляники.

– Хватит, – сказал он.

Валерий из-за подголовника протянул две бумажки по сто рублей.

Лиза взяла их, сложила пополам и сунула в нагрудный карман. Потом бережно закрыла канистру газетой, завязала рюкзак и застегнула ремешки.

«Интересно, она блондинка или брюнетка?» – подумал Кирилл.

Гугер вдруг надавил на тормоз. «Мерседес» клюнул носом.

– Сорри! – сказал Гугер.

Кирилл наклонился в проход и посмотрел в лобовое стекло, радужное от пыли и крапчатое от разбитых мух. Гравийную дорогу пересекала обширная и глубокая промоина. Сейчас она была сухая, а весной или в ливень здесь, наверное, бежала целая речка.

– Шесть километров ещё до деревни, – заметил Гугер, посмотрев на экранчик джи-пиз-эс навигатора, прилепленного на присоске к лобовому стеклу. – Я проверю, проедем ли...

Гугер открыл свою дверку и выпрыгнул наружу. Валерий, подумав, отстегнул ремень и тоже выбрался из автобуса.

Кирилл видел, как они ходят по промоине, глядя под ноги. Гугер присел на корточки и сощурился, оценивая клиренс автобуса. Гугер был маленьким, в остроносых туфлях, в тугих джинсах, в чёрной майке и в бейсболке задом наперёд. На затылке у него сидели чёрные очки. А у рослого Валерия обозначился аккуратный гуманитарный животик, и его не мог замаскировать даже камуфляж, слишком новый, чтобы казаться брутальным. Образ Валерию портили ещё и кроссовки – но в жару берцы превратились бы в пытку вроде испанских сапог.

Вдруг Лиза забилась и замычала, торопливо вдевая руки в лямки рюкзака. Она глядела вовсе не на промоину, а куда-то поверх груды вещей в салоне, в задние окошки автобуса. Она вскочила и со свисающим рюкзаком кинулась к двери, принялась дёргать ручку.

– Ты чего? – изумился Кирилл.

Лиза обернулась на него. Тёмные зрачки её расширились во всю радужку. Она крупно сглотнула, неестественно повела головой, будто вывинчивала шею из плеч, и хриплым шёпотом сказала:

– Открой!..

Кирилл ошарашенно посмотрел туда, куда глядела Лиза, и сквозь задние окошки увидел, что там над кустами обочины поднимается глиняный откос метра два высотой. Из него, словно чёрные руки погребённых мертвецов, свисали древесные корни. А над обрывчиком стояли и смотрели на автобус две собаки. Совсем обычные собаки, дворняги. Одна побольше, серая, другая поменьше, рыжая с белыми пятнами. Собаки не лаяли, не вертели хвостами, не улыбались, высунув языки, как деревенские псины улыбаются любому встречному. Собаки просто молча смотрели на людей, как равные на равных.

И Кириллу тоже стало страшно, непонятно почему. Непролазный комариный лес, пустынная дорога, дым торфяных пожаров, зной нечеловеческий... Вековая тишина. Суровая река Керженец, где двести лет по чащобам прятались раскольники, молились, строили храмы, сжигались заживо и чёрт их знает, какую нечисть приворожили. И ещё немая, которая вдруг заговорила. И ещё эти молчаливые псы.

– Открой! – прохрипела Лиза и ударилась в дверку всем телом.

Кирилл поднялся, шагнул вперёд, взял Лизу за круглое плечо и отодвинул в сторону, потянул на себя рукоятку и откатил дверь. Лиза выпрыгнула на дорогу. На миг она замерла, а потом оглянулась и показала пальцем куда-то на промоину, на Гугера с Валерием, на дальний поворот дороги, расплывающийся в мареве.

– Не надо туда! – глухо выдавила из груди Лиза.

Из-под платка на скулы выбились две тонкие пряди, но Кирилл так и не разобрал, тёмные они или светлые. Лиза поддёргнула лямку рюкзака и побежала по обочине прочь от автобуса, по-женски растопырив руки. Рюкзак на её спине болтался туда-сюда. Внезапно Лиза повернула, пересекла дорогу, перепрыгнула канаву и исчезла в пыльных, жухлых кустах.

Кирилл выбрался из автобуса – словно погрузился в банку с горячим вареньем. Он глядел на глиняный откос с чёрными корнями. Собаки исчезли.

От промоины к автобусу шли Гугер и Валерий.

– Куда это она рванула, Кир? – издалека крикнул Гугер.

Кирилл пожал плечами.

– Надеюсь, это не из-за тебя? – подходя, осторожно спросил Валерий. – Понимаешь, нам конфликты с местными не нужны.

– Я тут вообще ни при чём.

– Да хрен с ней, – Гугер сунул в рот сигарету. – Немые – они те же сумасшедшие. Поехали давай. Как-нибудь проскребёмся через яму.

2

Лес рассеялся, и открылась мгlistая пойма реки. Керженец оказался нешироким, тёмным, мутноватым от дыма. Деревня Калитино протянулась вдоль берега длинной прерывистой цепочкой домов. Над серыми и бурыми крышами поднимались жухлые копны деревьев и бревенчатые телеграфные столбы с перекладинами.

«Мерседес» дважды подпрыгнул, переезжая ржавые рельсы узкоколейки. Налево вдали рельсы поворачивали к деревне и заканчивались в каком-то запертом сарае. Направо – убегали за редкую рощу высоких старых тополей.

– Похоже, здесь уже и паровоз видали, – хмыкнул Гугер.

– Просто цивилизация добирается везде, – согласился Валерий. – Поглядите-ка вон туда...

Между рощицей и рекой, наособицу от деревни, стоял кирпичный двухэтажный замок с башенками, стрельчатыми окнами и кровлями из черепицы. Замок был обнесён глухой оградой из бетонных плит, поверху отороченной спиралью колючей проволоки. Железные ворота сторожил домик охраны, похожий на маленький бастион.

– Наверняка с той стороны на речке купальня, – предположил Валерий. – В Братеево такие же усадьбы понастроили.

– Вот откуда здесь связь и вай-фай, – сообразил Гугер.

На скате крыши у фронтона сидела огромная серебряная тарелка.

– Думаете, этой деревне нужен интернет? – спросил Кирилл.

– Телефоны-то всё равно нужны.

– Понимаешь, такие дачи в заповеднике строить просто так не разрешают, – тоном знатока пояснил Валерий. – Всегда навязывают обременение. Дорогу провести для деревни, водопровод, газ или вот связь. Новая экономика вытягивает деревни из совка. Социальная ответственность состоятельных людей.

Кирилл недоверчиво фыркнул. Лично его из совка вытягивала тётка. Социально-ответственных богачей на Кирилла не хватило.

Деревню окружали бугристые пустыри, заросшие бурьяном. Кое-где на них виднелись уцелевшие заборы, груды кирпича. Наверное, когда-то деревня была куда больше, чем сейчас. Пустыри остались от разобранных домов. Теперь их превратили в свалки. Из крапивы торчали скелеты кроватей, изгибы автопокрышек, кабина трактора, мягое железо. Поблёскивало битое стекло. Ветерок от проезжавшего мимо «мерседеса» лохматил мусор – клочья бумаги, рваные тряпки.

Возле первого деревенского дома на брёвнах у обочины сидели четыре загорелых мужика, то ли выпивали, то ли играли в подкидного, то ли чинили тракторный прицеп, что стоял за брёвнами на домкрате и без одного колеса. Мужики дружно проводили автобус взглядами.

«Мерс» ехал по улицам деревни Калитино. Обочины заросли травой и акацией, и в деревне все ходили прямо по дороге – автобус объехал старуху с вёдрами, мужика, толкавшего тележку с сеном, двух баб, что болтали на перекрёстке. Все дома поначалу казались одинаковыми, но потом Кирилл начал различать крыши: серые шиферные, ржавые железные, на сараях – из чёрного рубероида. Заборы разной степени сохранности прерывались только калитками или воротами гаражей. Поверх заборов Кирилл рассматривал дворы – то чистые и ухоженные, то захламлинные и заросшие. Кое-где во дворах на верёвках сохло бельё. В пыли проулка купались курицы. За проулком мелькнула река, на песчаном берегу лежали яркие резиновые лодки и сутились полуголые люди – туристы, что приплыли по Керженцу.

– Ну и какой же дом нам подойдёт? – хмуро спросил Гугер и нацепил чёрные очки, словно они помогали выбирать.

Кирилл прикинул, что в деревне домов пятьдесят. Жилыми казались два десятка, ещё столько же стояли с заколоченными окнами и запертыми воротами, но не выглядели брошенными. А совсем ничейные дома никак не привлекали: редкозубые заборы покосились, в крышах зияли дыры, под стенами топорщился огромный дремучий бурьян ростом выше подоконников.

Деревня закончилась, и Гугер притормозил. Впереди расстилалась унылая луговина, на которой вдали паслись коричневые коровы.

– Можно, конечно, вскрыть какой-нибудь дом, но это чревато, – задумчиво сказал Валерий. – Понимаете, бывает, что хозяева живут в городе, а деревенский дом держат как дачу. Нехорошо получится.

Гугер молчал. Кирилл вздохнул:

– Надо у деревенских спросить, какой дом можно занять на время.

– Ты и спрашивай, – тотчас сказал Гугер.

– Спрошу, – нехотя согласился Кирилл. – Поехали обратно к тем мужикам, что возле прицепа сидели.

– Не лучше ли какую-нибудь бабульку поймать?

– Просто спрашивать надо, так сказать, у дееспособных, – пояснил Валерий. – Чтобы потом не было конфликтов.

Гугер принялся разворачивать автобус.

Они вернулись через всю деревню, но теперь у тракторного прицепа с домкратом возился уже только один парень. Недостающее колесо прицепа было насажено на ось и привинчено.

Гугер остановился. Пока Кирилл выбирался из салона, парень сложил у домкрата ржавые станины и забросил его в кузов, а сам направился к «мерсу».

– Чего катаетесь тут? – спросил он у Гугера в окошке автобуса.

– Э... дом ищем, чтобы на недельку пожить...

– У нас дома никто не сдаёт, – отрезал парень.

– Да нам бы ничейный... – Гугер не был готов к разговору.

– Мы просто поживём немного и уедем, никому не помешаем, – наклонившись к окошку Гугера, убедительно пояснил Валерий.

Кирилл вышел из-за кормы автобуса и молчал. Парень был немного его постарше. Загорелый. Патлы выцвели почти добела. Грязные камуфляжные штаны. Босые ноги в резиновых бассейновых сланцах. Майка-тельняшка, под мышками кислая волосня. На плече – татуировка: крылышки с буквами «ВДВ», внизу подпись «ДМБ 2008». Ногти что на руках, что на ногах отросшие и чёрные. Рожа в белёсой щетине. «А тапки от каких-нибудь туристов, – подумал Кирилл. – Забыли на берегу. Или ворованные».

– Может, покажете нам какой-нибудь дом? – предложил Валерий.

– Полтинник, – с вызовом заявил парень.

– Пойдёт, – кивнул Гугер.

Парень обошёл автобус с кабины и по-хозяйски открыл дверку Валерия. Валерий сообщил, что ему надо убраться, и выпрыгнул на дорогу, уступая своё место. Вслед за Кириллом он полез в салон.

Усевшись, парень сунул Гугеру ладонь:

– Лёха.

– Г-г... Денис, – сказал Гугер, пожимая руку.

В кондиционированном салоне от Лёхи отчётливо запахло потом, маслом и перегаром.

– Очки-тоними, чего как пидарас.

Гугер послушно снял очки, повесил на зеркальце заднего вида и начал разворачивать автобус, отвернувшись от Лёхи.

– Много в деревне жителей? – спросил у Лёхи Валерий. Он сидел на том месте, где недавно сидела Лиза, и подался вперед.

– Да хер знает, – не оглядываясь, сказал Лёха. – Летом много, из города приезжают. Зимой человек тридцать, если со старухами.

– Дома закрытые – это городских?

– Ихние.

Лёха смотрел по сторонам, словно что-то выискивал. Внезапно он опустил в дверке стекло, высунулся и заорал:

– Ты где шляешься с утра? Я через час приду, жрать готовь!

Кирилл отклонился, чтобы Валерий не загораживал ему окошко, и увидел молодую носатую бабёнку, отошедшую от автобуса на обочину. Волосы бабёнки были жестоко выбелены до синтетического отлива, а лицо – смуглое, загорелое.

– Явишься – и сготовлю! Я хер знаю, может, ты бухаешь! – яростно крикнула бабёнка в ответ.

– Сука Верка, – откидываясь на спинку сиденья, пробормотал Лёха.

Валерий деликатно помолчал, оставляя паузу для этой семейной драмы, а потом снова подался вперед:

– А какая тут работа есть?

– Да никакой, – буркнул Лёха, глядя в лобовое стекло. – Какая нахер тут работа. Была зона – была работа. А ща только в заповеднике егерем. Кому охота, нахер, за гроши по лесам шарашиться.

– И что, все безработные?

– Работают, дебилы, егерями.

– А ты сам? – вдруг спросил Гугер.

– Я не долбанутый. Я рыбу глушу, туристам продаю.

– Чем глушишь? Взрывчаткой?

– Ну, не глушу, – скривился Лёха. – Заповедник, бля. Есть места, сыпанёшь пакет стирального порошка – без шума рыба всплывает.

– Она же отравленная будет, – осуждающе заметил Валерий.

Затылок Лёхи окаменел.

– Да чё отравленная-то? Нихера не отравленная. А вам-то чё? Нахера сами приехали? – Лёха посмотрел на Гугера.

– Мы... из музея, – нашёлся Валерий. – Будем вашу церковь... э-э... измерять, описывать...

– Нахера? – Лёха всё равно не оглянулся.

– То есть? – растерялся Валерий.

– Нахера? Кому она нужна? Была зона – ещё туда-сюда, а щас?

Валерий смешался.

– А где вообще церковь? – сменил тему Гугер. – Что-то не видно.

– Церковь там, далеко, – Лёха махнул рукой. – Вон лес, в нём кладбище. За лесом дом Шестакова. А уже за ним церковь.

Разговаривая с Гугером, Лёха смотрел на собеседника. Видимо, того, кто за рулём, он считал главным, равным себе и достойным общения. Все остальные были ерундой.

– Дом Шестакова – это особняк за бетонным забором?

– Угу.

Завидев какого-то встречного мужика, Лёха опять высунулся в окошко. Похоже, ему приятно было показать всем знакомым, что он едет в шикарной машине.

– Серый! – крикнул он. – Ты мне когда пилу вернёшь?

Ответа Серого Кирилл не расслышал.

– Кто этот Шестаков? – спросил Гугер.

– Шестаков-то? Мудила один. Депутат он там в Москве, что ли, или банкир. Отгрохал себе крутую дачу в заповеднике. У нас все бабы на него работают. Убираются, цветы поливают. Ништяк, но получают.

– Этот Шестаков часто здесь бывает?

– Иногда приезжает с корешами и блядьми. А так тут его вертухай за порядком следит. Он и вызванивает баб, кому когда на работу надо.

– Но ведь деревне польза, – заметил Валерий. – Заработок.

– Польза, – нехотя кивнул Лёха. – Без Шестакова кончилась бы деревня. Осталось бы три двора, их бы отселили. Заповедник же, сука.

Валерий вздохнул:

– Да, вопрос с жильём везде самый острый...

– Эта хаза подойдёт? – Лёха указал направо за борт.

Автобус ехал мимо дома, одна половина которого была целая, а другая сгорела и вытянула, как чёрные пальцы, обугленные брёвна.

– Чего-нибудь получше бы, – ответил Гугер.

– Тогда сворачивай туда.

Гугер повернул в проулок.

– А есть у вас какие-нибудь легенды, предания? – спросил Кирилл.

– Сказки, что ли? – не оборачиваясь, скривился Лёха. – Нам тут, бля, не до сказок. Ничего тут нету. Мы не сказки сочиняем, а пашем тут на вас, москвичей херовых. Всю Россию, бля, обожрали.

Гугер молча ухмыльнулся. Кирилл подумал, как же тут Лёха пашет на Москву, в краденых-то сланцах? Рыбу травленную продаёт?

– Лизка! – вдруг заорал на улицу Лёха. – Ты куда это ходила?

Кирилл снова отклонился и увидел на обочине Лизу, которую они подвезли по дороге. Остаток пути до деревни Лиза прошла пешком. Пропуская автобус, она стояла в бурьяне в том же платочке и с рюкзаком за спиной. Автобус, который её напугал, в сочетании с Лёхой, похоже, напугал её ещё больше. На Лизе просто лица не было.

– А что, у вас в лесах собаки дикие бегают? – спросил Кирилл.

Лёха впервые обернулся назад и внимательно осмотрел Кирилла.

– У нас ваше собак нет, – веско произнёс он. – Нигде. Ни в лесу, ни в деревне. Дохнут, нахер.

– Почему? – холодно спросил Кирилл, не отводя взгляда.

– Я доктор, что ли, чтобы знать?

– А этот дом? – перебил Гугер.

Он притормозил возле длинного одноэтажного здания с большими одинаковыми окнами. Здание стояло посреди просторного заросшего двора. В чертополохе торчал ряд вкопанных автопокрышек, некогда окрашенных в синий цвет. Забор вокруг двора был вполне крепким. Из-за угла здания высовывался какой-то сарай с железной кровлей.

– Это школа, – пояснил Лёха. – Я в неё угланом ходил. Четыре года назад её закрыли.

– А если мы в ней поселимся?

Лёха подумал.

– Да так-то она ничья.

Гугер решительно завернул во двор и остановил автобус.

– Я посмотрю, – сказал он и выбрался из кабины.

– Вход назади там! – крикнул Гугеру Лёха.

Сначала Гугер заглянул в пыльное окно, потом ушёл за угол.

– Я тут сам недалеко живу, – сказал Лёха, оборачиваясь на Валерия и Кирилла. – Могу баню истопить, по сотне с рыла. Чё надо – дак спрашивайте. Годовалов я. Самогонка там, рыба, молоко, всё есть. Баб только нету. Но если чего не то начнёте, отмудохаю, пацаны.

– Проблем не будет, – вежливо сказал Валерий.

Возле автобуса появился Гугер.

– Жить можно, – сообщил он.

Валерий и Кирилл полезли из салона «мерса» на улицу. Потом из кабины выбрался Лёха и хлопнул дверцей.

– Хороший бэтээр у вас, пацаны, – похвалил он и пошлёпал автобус по капоту. – Давайте полтинник.

Валерий протянул Лёхе бумажку в пятьдесят рублей. Лёха сунул её в карман камуфляжных штанов и пошагал к воротам.

– Дегенерат, – вслед ему тихо сказал Гугер. – Аж курить хочется.

– Полный деграданс, – согласился Валерий. Гугер полез в кабину за сигаретами и с досадой присвистнул:

– Очки солнечные украл, сволочь.

– Догони, забери, – посоветовал Кирилл.

– «Труссарди», палёнка. За такое не стоит связываться.

3

Церковь стояла на вершине плоского бугра, наглухо заросшего бурьяном. Она была пятиглавой, но от малых глав сохранились лишь кубические тумбы на углах основного здания, а от большой главы на чёрном дырявом куполе торчал пустой барабан с узкими прозорами. Шатровая колокольня казалась обглоданной. Похоже, храм пытались как-то сохранить: окна и вход аккуратно заколотили досками. Вокруг храма, прижимаясь к стенам, разлапились огромные липы.

За излучиной Керженца дымился торфяной закат. Неестественный и воспалённый свет окрасил листву лип и лохмы бурьяна синевой, словно они были пришельцами с Венеры. Церковь, некогда белёная, а сейчас облупленная, выглядела багровой, как шмат мяса.

– Ближе-то не подъехать? – вертел головой Гугер.

– Уж сто метров можно пешком пройти, – укорил Валерий.

– Мне кабель тянуть, а не гулять.

Они выбрались из автобуса и через бурьян пошагали ко входу в храм, спотыкаясь о какие-то обломки, невидимые в зарослях.

В дощатом щите, что перекрывал портал, была прорезана дверь. Сейчас её запирали всечуждый замок в ржавых петлях.

– И где взять ключ? – обескураженно спросил Валерий.

– Щас принесу, – сердито буркнул Гугер и ушёл обратно.

– Лурия говорил, что здание не подлежит ремонту, – Валерий оглядывал колокольню, уходившую в ядовито-сиреневое небо, как баллистическая ракета. – Фундамент просел, стены треснули... Жаль.

– А чего жаль? – пожал плечами Кирилл.

– Ну, просто могли бы восстановить храм – и деревня бы ожила.

– Как?

Гугер вернулся с молотком и гвоздодёром. Он без колебаний подцепил одну из петель замка и со скрипом выдернул её.

– Взлом, – сказал Кирилл.

– Уже вертушка со спецназом летит, – проворчал Гугер.

Он распахнул дверь и перешагнул порог.

– Понимаешь, начались бы службы, люди бы вспомнили божьи заповеди, – назидательно продолжил Валерий, не двигаясь с места. – А там и себя просто в порядок бы привели, хозяйство бы наладили.

Кирилл оглянулся на перелесок с кладбищем, за которым скрывалась деревня Калитино. Ага. Колосятся золотые нивы, тучные стада пасутся на лугах, над которыми плывёт нежный колокольный перезвон. А вечерами в храм идут усталые жнецы и румяные босоногие селянки, что уже напоили бурёнушек медовыми росами.

– А ты бы в это время играл на рынке «Форекс» и смотрел 3D-блокбастеры, – сказал Кирилл Валерию. – Каждому по способностям.

Валерий молча пошёл за Гугером. Кирилл – за Валерием.

В церкви было темно, просторно и мусорно. На полу громоздились груды кирпичей, досок и арматуры. Потолка не было, вместо него где-то высоко сияла дырами ветхая кровля. От стены к стене над головами протянулись грубо врезанные швеллеры. Из щелей заколоченных окон бил красный закатный свет и прозрачными плоскостями резал объём помещения на ломти. В этих плоскостях, как в стёклах, за клубилась пыль, поднятая Гугером.

– Вот она, икона, – Гугер глядел на простенок между окнами.

Валерий и Кирилл подошли.

Псоглавец был изображён в полный рост. Он стоял на голубом фоне в синем одеянии и в чёрных сапогах, по голенищам которых были повязаны какие-то платки. Грудь и живот Псоглавца закрывал панцирь. В правой руке, слегка опущенной, Псоглавец держал хрупкий на вид крест с тремя перекладинами – маленькой, большой и косою. В левой руке, поднятой, у Псоглавца было тонкое и длинное копьё. С плеч Псоглавца складками свисал алый плащ, застёгнутый на горле.

Хотя главное, конечно, – голова. Тёмно-рыжая, шерстяная, с острыми звериными ушами. Впрочем, Кирилл не назвал бы эту голову собачьей. Тут была какая-то помесь муравьеда со шукой – наивная, нелепая и потому особенно правдоподобная. Думалось: художнику не сложно ведь нарисовать собаку, но если здесь – что-то другое, значит, автор не механически поставил пёсию башку на человеческие плечи, а срисовал это чудище с натуры. Выходит, оно существует в реальности. И золотой нимб казался каким-то воротником-жабо у средневекового барона обратной.

– Оборотень, – убеждённо сказал Кирилл.

– Анубис, – снисходительно поправил Валерий.

– Гнолл, – хмыкнул Гугер.

Псоглавец опустил длинную, хищную, острую морду и со стены тихо смотрел на людей. Кириллу почудилось, что маленький глаз Псоглавца хранит в себе багровую искорку заката.

– Какую только хрень не нарисуют, – Гугер вставил в рот сигарету и закурил, разрушая гипнотическое оцепенение. – Везде вон нормальные апостолы. Обычные дядьки с обычными черепухами. Нафига этого гнолла намалевали? Ему ещё секиры не хватает. В натуре будет монстрюк типа из «Варкрафта».

Валерий протянул руку и указал на подпись под ногами Псоглавца: «Св. Христофор».

– Собачья голова святого – наследие языческих культов, – пояснил Валерий. – Отголосок тотемизма.

– Что такое тотемизм? – тотчас спросил Гугер.

– Почитание животных. Когда какое-нибудь животное объявляют священным, потому что оно покровитель племени. Или прародитель людей. Или после смерти души вселяются в этих животных.

– Как коровы в Индии, – вспомнил Кирилл.

– В образе Псоглавца крещёные язычники просто продолжали почитать своих богов-зверей.

– А какие тут язычники? – не понял Кирилл. – Тут давно уж одни крещёные, фреска – девятнадцатый век.

– Фреске сто пятьдесят лет, а почитание Псоглавца очень древнее. С тех времён, когда христиане крестили язычников.

– А-а...

– Церковь догадалась, что Псоглавец – языческое божество, и при Петре Первом запретила изображение святого Христофора с собачьей головой. Его можно было рисовать только с человеческой. А почти все иконы и фрески или уничтожили, или перерисовали.

– А эта как сохранилась? – удивился Гугер.

– Ну, она вообще не при Петре Первом сделана. Гораздо позже. Понимаешь, тут уже раскольники виноваты. Они же были за всё старое – против новых книг, новых обрядов, новых икон. Крестились двумя пальцами, – Валерий показал Гугеру два пальца, словно Гугер не понимал слов, – а не тремя. Раскольники из принципа продолжали изображать святого Христофора с собачьей головой – как в древности.

– Эта церковь не раскольничья, – сказал Кирилл и кивнул на соседний простенок.

Там на таком же голубом фоне была изображена женщина в ниспадающих одеждах. Под её ногами бежала надпись: «Св. Варвара». Женщина благословляла зрителя тремя пальцами.

Валерий задумался.

– Ну, да, обычная, – кивнул он. – Раскольникам вообще запрещали строить храмы. Но здесь, видимо, просто местный художник на свой страх и риск изобразил святого Христофора так, как принято у раскольников. Лурия же говорил, что в Калитино был местный культ святого Христофора. Деревня-то староверческая.

– А ты откуда всё это знаешь? – с сомнением сощурился Гугер.

– Просто есть такая штука – интернет называется.

Кирилл посмотрел вокруг: тёмная, гулкая кубатура храма, тусклые росписи, красные лучи больного и дымного заката, верещание птиц в листве лип за досками окон. Язычники, раскольники, Псоглавцы... Всё это было какое-то чужое, ненастоящее, случайное, не ему, словно кришнаиты в метро. Эта деревня вырожденцев, этот убогий мир – они, конечно, существовали, но никому не были нужны, даже себе. У этого мира прошлое не имело никакой цены, потому что в настоящем оно присутствовало только постыдной и мучительной разрухой. Индийские священные коровы и то были реальнее и важнее.

– Сохранилось только шесть православных икон с Псоглавцем, – продолжал Валерий. – На Русском Севере, на Урале, в Ростове и три в Москве. В Третьяковке, в соборе Кремля и в старообрядческом соборе.

– А где он?

– На Рогожском кладбище. Это между Таганкой и Лефортово, в районе «Авиамоторной».

– Странно, не знаю такого, – снова удивился Гугер. – У меня там френд живёт, надо спросить.

– И ещё есть три фрески. В Ярославле, в Свияжске и в Макарьеве, это около Нижнего. Наша фреска получается четвёртой.

– А в Европе про него знают? – Гугер указал на Псоглавца.

– Знают, но там к нему относятся как-то без пафоса. Из больших святых просто разжаловали в какие-то поменьше.

– И чего, он тоже с собачьей башкой?

– Нет, там его считают человеком, но великаном. Например, он покровитель Вильнюса.

– Эстония, нашёл Европу, – хмыкнул Гугер.

– Литва, – поправил Валерий.

Кириллу вдруг остро захотелось домой. Даже не домой – в город, к нормальной жизни, к нормальным людям, не псоглавцам.

– Слушай, Гугер, – спросил он, – а сколько тебе нужно времени, чтобы снять фреску?

Гугер деловито перевернул бейсболку козырьком вперёд.

– Завтра я вырежу её болгаркой по контуру, – Гугер пальцем очертил некий прямоугольник, словно раму для фрески, – почищу и пропитаю раствором на первый раз. Через сутки – второй раз, ещё через сутки – третий. Получается, на четвёртый день можно будет снимать. И ещё сутки надо будет подождать, когда пропитаю с внутренней стороны.

– Поня-атно... – удручённо выдохнул Кирилл. Пять суток...

– А как будешь снимать? – спросил Валерий.

– Видал – листы фанеры везём? Соберу из них щит по размеру фрески и наклею на фреску. Когда высохнет, подцеплю к щиту вибратор и тихонечко отделию штукатурку от стены. Амплитуду движения мне инструктор сказал установить на три миллиметра. Чудеса технологии.

– Вибратор? – поднял брови Валерий.

– Это не то, что вам нравится, девочки, – грубо ответил Гугер. – Это строительный инструмент. «Мерс» поставлю поближе, чтобы генератор не переть, шнур для болгарки и вибратора подтяну сюда.

– А бензина хватит для генератора?

– Если вы с Киром пить его не будете, то хватит.

Пять суток в этой глуши, с тоской думал Кирилл.

Ну чего – пять суток? Вроде, немного. В Хургаде две недели для него пролетели, как секунда. Но ведь то Хургада. А здесь, в Калитино, всё не так. Здесь словно бы в воздухе невидимые руины. И дело вовсе не в деревенских алкашах, не в нищете. Здесь какое-то осатанелое, раскольничье, дикое упрямство: мы сдохнем от цирроза, по пьяни порубим друг друга топорами, сгорим в торфяных пожарах, но не будем жить иначе, не будем делать свою жизнь лучше. Здесь люди ходят на двух ногах, носят штаны и говорят, но живут неизменно, как животные, – не зря, видно, их предки поклонялись человекозверю.

Наверное, он и сейчас ходит по этим лесам. Человек с головой собаки, с клыками собаки, с судьбой собаки. Может, и не во плоти, но он жив, он нюхает дым, он смотрит в окна, он не любит чужаков.

Вдалеке заскрипела, медленно отворяясь, дверь. Валерий, Гугер и Кирилл оглянулись. Вот сейчас в полосе света появится длинная морда то ли шуки, то ли муравьеда, подумал Кирилл. Лопатки под рубашкой взмокли. Кирилл обвёл глазами пространство вокруг себя – нет ли палки, арматурины...

Он увидел что-то иное, но не понял, что. Битые кирпичи, крошево штукатурки, серые обломки реек с ржавыми, кривыми гвоздями, литая станина какого-то станка, мятые пластиковые бутылки из-под пива «Красный Восток»... Не то. Огненные щели заката меж досок заколоченного окна... Фреска... Фреска.

Псоглавец на стене повернул голову и смотрел теперь на дверь.

Кирилл попятился. Нет, он точно повернул голову! Его морда раньше перекрывала крест в правой руке, а теперь перекрывает копьё в левой! Кирилл крепко-накрепко зажмурился, открыл глаза и снова посмотрел на Псоглавца. Псоглавец смотрел на дверь. Он всегда смотрел на дверь, сто пятьдесят лет. Почудилось. Почудилось.

4

Здесь, пред очами Псоглавца, Кирилл стоял, конечно, из-за Вероники. *Кирюша, всё это несерьёзно*. Их отношения несерьёзны, потому что квартира на Кутузовском – не Кирюши, а его тётки. И старый «форд» не Кирюши, а его папы. И деньги не Кирюши, а его мамы. А у Кирюши только второй курс факультета электроники в МИЭМ. Кирюше этого хватало, а Веронике – нет. И она ушла.

Она не требовала «майбах» и студию на Софийской. Ей хотелось, чтобы Кирюша просто стал самостоятелен. Чтобы зарабатывал хотя бы на то, что есть. Пока Вероника ушла недалеко, у Кирилла был шанс её вернуть. И тут на его почту пришло это письмо.

«Здравствуйте, Кирилл. Меня зовут Даниил Львович Лурия. Я сотрудник Континентального музейного фонда NASS (международное подразделение UNESCO, штаб-квартира Basel, Schweiz). Наш фонд организует краткосрочные экспериментальные экспедиции, в которые приглашаются люди, отобранные тестированием авторских страниц Livejournal. Тест-программа в числе многих возможных кандидатов назвала и Вас. Я воспользовался тем, что Вы указали свой e-mail, и обращаюсь к Вам лично. Фонд NASS предлагает Вам в июле этого года принять участие в поездке по Нижегородской области. Продолжительность поездки 5–7 дней. Гонорар 3000 \$. Если Вас заинтересует наше предложение, прошу в течение 3 дней ответить мне, чтобы я организовал встречу участников экспедиции».

Может, это была разводка. Никакого NASS из Basel в Schweiz, никакого Лурии Даниила Львовича Кирилл по сети не отыскал. Но три тысячи долларов – нормальная зарплата за два месяца, а тут – всего-то неделя напряга. Денег вперёд не просили. И Кирилл решил узнать, в чём дело. Лурия пригласил его на ланч в ресторан «Ильдаруни» возле Рижской.

Кирилл думал, что ресторан окажется армянской дыренью в полуподвале, пропахшем маринованным луком бастурмы, но во дворе стандартной высотки он увидел двухэтажный хайтековский пристрой с крытой верандой на втором этаже. На парковке у входа блестели совсем не дешёвые тачки. В холле с панелями из морёного дуба Кирилла встретила красивая девушка-армянка с бейджилом «Эрмине».

– Вы Кирилл Шелехов? – улыбаясь, спросила она. – Я вас провожу.

По деревянной винтовой лесенке она повела Кирилла на второй этаж, профессионально качая задом.

На веранде за одним столиком обедала пожилая армянская чета, за другим моложавый джентльмен читал «Эсквайр», и перед ним стоял высокий стакан яблочного фрэша. У балюстрады возле совсем пустого стола молча сидели два молодых человека – маленький чернявый и полноватый блондин. Эрмине провела Кирилла к этим парням и заботливо отодвинула ему стул.

– Что-то пожелаете? – спросила она.

Кирилл сел и посмотрел на парней, примеряя, кто из них Лурия.

– Нам, милая, пока только четыре эспрессо, – вдруг прозвучало за плечом у Кирилла, и Кирилл оглянулся.

Моложавый джентльмен со стаканом фрэша уверенно отодвинул четвёртый стул.

– Господа, это я вас пригласил, – сообщил он. – Будем знакомы, я Даниил Львович Лурия. Вы – Кирилл, – он кивнул Кириллу, словно слегка поклонился. – Вы – Валерий. А вы – Денис.

– Предпочитаю, когда называют Гугер, – пробурчал чернявый.

– Как будет угодно, – вежливо согласился Лурия.

Кирилл внимательно разглядывал его. Светлая рубашка Finamore, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, часы Emporio Armani, ремень Piquadro, брюки и туфли Baldessarini. Всё – итальянское, хоть и не премиум-класс, но ничего.

– Во-первых, хотелось бы узнать, как вы нас нашли, – несколько раздражённо потребовал блондинистый Валерий.

– Лиф джорнал, – просто ответил Лурия. – Я же указал в письме.

– А почему мы? Какие у вас критерии отбора?

– Наш фонд разработал тест из пятидесяти четырёх вопросов. Вы ответили так, как нам необходимо.

– Понимаете, я ни на какие анкеты не отвечал.

– И я не отвечал, – вставил Кирилл.

– Вопросы никто не задавал, – согласился Лурия, – но ответы содержались в ваших записях в ЖЖ.

– У меня там только перепосты и триндёж про игры онлайн, – сказал Гугер. – Я вообще ничего не писал.

– Значит, и этого оказалось достаточно, – терпеливо объяснил Лурия. – Наш тест несовершенный, но и нужен он отнюдь не для поиска избранного Нео, как в «Матрице».

– А что за вопросы? – не унимался Валерий.

– Самые разные. Например, купили бы вы себе такой смартфон, какой Стив Джоббс подарил Медведеву? Я могу предоставить вам список этих вопросов, но только при следующей встрече, если она состоится. И не для копирования, всё-таки это ноу-хау нашего фонда.

Кирилл вспомнил, что в своём ЖЖ он и вправду издевался по поводу нового iPhone. Но в целом ему было безразлично, как его вычислили. Главное – что предложат.

– А что у вас за фонд? – спросил теперь уже Гугер.

– Он существует с семьдесят четвёртого года при ЮНЕСКО, финансируется частными лицами, иногда выигрываем гранты на исследовательские работы. Обычно считают, что наш фонд занимается спасением памятников культуры второго-третьего эшелонов. Тех памятников, что не имеют особой ценности. Районного значения, говоря по-русски. Но это не совсем так. Спасение памятников и арт-объектов – цель номер два.

– А номер один?

Лурия задумчиво постучал по стакану полированным ногтем.

– Цель номер один совсем иная. Фонд финансирует исследования по социальному бытованию этих памятников и объектов. То есть, как эти вещи изменяют жизнь общества.

– Например?

– Н-ну... – Лурия усмехнулся, глядя куда-то в сторону. – Например, дерево Бодхи. Под ним принц Гаутама достиг просветления и стал Буддой. За два с лишним века до нашей эры царь Ашока построил на месте просветления храм Махабодхи. Потом храм рухнул и полтора тысячелетия лежал под джунглями. В девятнадцатом веке его восстановил лорд Каннингэм. С тех пор вокруг храма – город Бодх-Гая размером с Можайск. Город живёт паломниками. Выдумано множество преданий и ритуалов, чтобы паломники оставляли деньги. Вот так дерево – памятник культуры – повлияло на жизнь социума. Правила жизни в Бодх-Гая – предмет наших исследований.

Официантка Эрмине принесла кофе.

– Что будете заказывать?

– Я ничего не буду, спасибо, – сказал Валерий, словно боялся, что Лурия его отравит.

– И я не буду, – сказал Кирилл. Ему не хотелось быть обязанным.

Гугер, вроде, не отказался бы от халявы, но теперь пришлось из солидарности. Лурия поглядел на Эрмине и виновато улыбнулся.

– А чего исследовать в городе Будды? – строптиво усомнился Валерий. – Чего в жизни этого города не понятно?

– В Бодх-Гая всё понятно, – кивнул Лурия. – Туристический бизнес. Все новые обряды придуманы для туристов, они не изменили генетику социума. Но фонд и не собирался предлагать вам поездку в Индию.

– А куда собирался?

– В Керженский заповедник. Это Поволжье, река Керженец. Там находится вымирающая деревня Калитино. В деревне – заброшенный храм. В храме – редкая фреска святого Христофора. Святой изображён с собачьей головой. Его, кстати, так и называют – Псоглавец. Фреску нужно законсервировать и снять со стены, соблюдая технологию и все предосторожности.

– В Европе её загоните? – догадался Гугер.

Лурия невозмутимо отчеканил:

– Фреска погибает в аварийном здании. Её изъятие согласовано с Росохранкультурой, документы я предъявляю. Снятую фреску нужно передать Нижегородскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику. Наш фонд не присутствует на арт-рынке.

– Если обидел – извините, – буркнул Гугер и сунул в рот сигарету.

– Но это цель номер два, да? – подсказал Валерий.

– Да. А цель номер один – пронаблюдать реакцию социума.

– Социум ужрётся и отмудохает нас, – не сдержался Гугер.

Лурия рассмеялся.

– По правде говоря, риск есть. Надеюсь, что до этого не дойдёт. Но подобный риск присутствует в России повсеместно.

– А как деревня может отреагировать? – спросил Кирилл.

Лурия развёл руками:

– Если бы мы знали, то не искали кандидатов для эксперимента.

– Может, никто вообще ничего не заметит, всем плевать?

– Может быть. Однако наши специалисты считают, что реакция будет.

– Почему?

– Видите ли, друзья. Фреска – не шедевр, но очень редкая. Мы подняли архивы и установили, что храм был расписан в 1858 году. Но в то время святого Христофора уже больше столетия не изображали с собачьей головой. Значит, в деревне был местный культ Псоглавца.

– Считаете, он сохранился до наших дней? – не поверил Валерий.

– Наша гипотеза заключается в том, что сакральные культы существуют не только в сознании социума, но и в подсознании. Некие события могут активировать поведенческие стратегии, которые социум, казалось бы, давно утратил. Нужны примеры?

– Без примеров непонятно.

– Извольте. В девяносто третьем году в кургане на священном алтайском плато Укок была найдена женская мумия, которую назвали Принцессой Укока. Её перевезли в Новосибирск, в Академгородок. А на Алтайский край обрушились бури, катастрофы, разгул коррупции. Всё это алтайцы объяснили тем, что лишились покровительницы. Началась массовая истерия, возродился забытый культ мертвецов. Самое удивительное в том, что количество несчастий действительно сильно выходит за пределы статистически вероятного.

– Ну, как в «Дозорах», – вспомнил Гугер. – Открыли могилу Тамерлана – сразу Гитлер напал.

– Примерно так, – кивнул Лурия.

– Мистика, – презрительно заметил Валерий.

Кирилл отвернулся, разглядывая двор, зелёные тополя, парковку. Принц Гаутама и Принцесса Укока, Алтай и Гималаи – всё это было так далеко, так несопоставимо. Где он и где Будда? Издалека доносился вой сирены – то ли по проспекту Мира, то ли по Рижской эстакаде катил очередной кортеж. Кирилл вполуха слушал, что говорит Лурия.

– Не мистика, а магия. Но вряд ли на Алтае магия. Просто неясные нам пока законы бытования социума. Могу привести другой пример. В 1853 году Оренбург вымирал от холеры. Болезнь остановили только тем, что принесли в город чудотворную икону Богоматери. Но божьему чуду есть рациональное объяснение. Городские интенданты тайком раздевали мертвецов и продавали их одежду на рынке, тем самым разносили болезнь по городу. Когда в город внесли икону, интенданты просто побоялись грешить вблизи почитаемого образа.

– То есть, на Алтае народ просто подсознательно боялся мести Принцессы, а когда её увезли, то обнаглел? – предположил Валерий.

– Понятие «подсознание», конечно, спорное, но используем его в трактовке Юнга. Однако я говорю не о личном подсознании отдельных людей, а о подсознании всего социума. Любой отдельный человек не сможет дешифровать это подсознание, хотя когда разнонаправленные векторы частных усилий суммируются, то получается такое действие социума, которого никто не ожидал. И такая ситуация транслируется из века в век, пока сохраняется культура как носитель архетипов.

– Какая культура-то на Алтае? – усомнился Валерий.

– Язык – вербальная фиксация культуры. Есть и другие способы фиксации. Религия. Неизменность образа жизни. И так далее. Что касается случая, ради которого мы собрались, то наши специалисты считают таким фиксатором изображение Псоглавца. И его толкования.

К их столику опять направилась красивая Эрмине, и Лурия сразу отрицательно покачал головой: ничего не надо.

– Этот Псоглавец чудотворный? – спросил Гугер.

– Сам по себе – нет. Но он фиксирует местные поведенческие нормы. К сожалению, в мифологическом ключе, и поэтому мы не можем их понять, интерпретировать, предсказать, объяснить.

– Что это за нормы?

– Могу назвать только прецеденты, – вздохнул Лурия. – Деревня возникла в начале восемнадцатого века как раскольничий скит Калитин. Его основали некие Иафет и Христофор. Достаточно близко от их обители находился другой скит, женский. И так получилось, что Христофор случайно встретился с одной из девушек-монахинь этой обители и полюбил её. Для скита это кощунство. Иафет взмолился, чтобы господь избавил Христофора от соблазна. И скитник Христофор, как святой Христофор, получил собачью голову, стал псоглавцем, – и при следующей встрече растерзал свою возлюбленную.

– Я слышал что-то такое. Это просто местные пересказали библейскую легенду на свой лад, – подумав, сделал вывод Валерий.

– Конечно. Но есть другой прецедент. В 1800 году для разрушения раскольничьих общин была создана Единоверческая церковь. Эдакий компромисс между старообрядцами и официальной церковью. Многие раскольники перешли в единоверие, потому что это давало больше возможностей для социального роста. Из скитов уходили тайно. Из Калитина скита с 1820-х по 1860-е годы ушло 27 человек. Из них 18 по дороге в город в лесах были на куски разорваны зверьём. В других скитах не было ничего подобного.

– Ух ты! – оживился Гугер. – Это Псоглавец их догонял и рвал!

Лурия усмехнулся:

– Я уверен, есть и другие предания. Но их можно узнать только там. Поэтому ваша миссия, Кирилл, – разговаривать с местными. И записывать на диктофон. Вы... э-э... Гугер, надеюсь, вполне справитесь с технической частью – снимете фреску со стены. Я направлю вас к инструктору. А вы, Валерий, помогайте Гугеру по мере необходимости, и на вас будет общее руководство, финансы и отчётность.

Кириллу совсем не понравилась перспектива втираться в доверие каким-то деревенским алкашам.

– Мне задание не нравится, – сказал он.

Лурия помолчал.

– Вашу тройку мы подбирали по психотипам, – сообщил он. – Как и две другие тройки, что были до вас. Они отказались. Вы тоже можете.

– По психотипам – на совместимость? – спросил Валерий.

– Как космонавтов, – добавил Гугер.

– Нет. По психотипам – чтобы спровоцировать местный социум на реакцию. Деревня Калитино деградирует. Люди просто не хотят жить. Им надо предъявить антиподов, которые жить хотят, и хотят активно.

– Будет мордобой, а не чудеса в церкви, – мрачно сказал Валерий. – Теперь я понимаю, почему вы не посылаете туда каких-нибудь реставраторов или студентов-практикантов.

– Ещё посмотрим, кто кому чего начистит, – хмыкнул Гугер.

– Хотите – мы предоставим вам травматическое оружие. Дадим спецтелефоны, чтобы всегда была устойчивая связь и джи-пи-эс. У вас будет отличный автомобиль, на котором вы всегда сможете уехать. В конце концов, мы платим неплохие гонорары и возмещаем все расходы. Условия весьма недурные. Хотя наши специалисты считают, что опасаться следует всё-таки чего-то экстраординарного.

– Псоглавца на нас натравят, – убеждённо сказал Гугер.

– Ну и работа... – покачал головой Валерий.

Кирюша, всё это несерьёзно, сказал себе Кирилл.

5

Грузно опираясь на палку с рукоятью, порог храма тяжело переступил рослый и сутулый человек. Сощурившись со света, он постоял у двери, а потом тщательно и широко перекрестился.

– Господи, помилуй! – прогудел он, с трудом кивнул, изображая поклон, и медленно двинулся к Валерию, Гугеру и Кириллу.

На широких и тощих плечах пришельца висел хороший пиджак, а под пиджаком белела какая-то застиранная майка. Чистые и глаженные брюки были аккуратно заправлены в резиновые сапоги. Гость подошёл и остановился, внимательно разглядывая, кто это здесь хозяйничает.

Гость смотрел набычась и не двигал головой, а просто переводил глаза – бесцветно-голубые глаза то ли крестина, то ли наркомана. У гостя был мощный, голый, окатистый череп, похожий на фашистскую каску, и небритая, мохнатая рожа с увесистым подбородком. На загорелой костлявой груди из-под майки выползли синие завитки татуировки. Гость протянул для рукопожатия широкую ладонь.

– Саня Омский, – сказал он. – Слышали, небось?

Обе руки были густо исписаны какими-то словами, как школьная доска на перемене. А палка у Сани Омского была не палкой, а дорогой лакированной тростью. Казалось, что барская трость, пиджак и брюки принадлежат одному человеку, а щетина, майка и татуировки – совсем другому. Этот другой, видимо, считал, что славное имя Сани Омского гремит по всей стране, и все его знают.

Валерий, Гугер и Кирилл неуверенно пожали Сане руку. Они не представились, но Саня и не заметил этого. Так ведёт себя человек высшей касты. Кирилл сразу опознал в госте старого уголовника.

– Московские? – спросил Саня.

– Московские, – кивнул Валерий.

– Я вас по номеру срисовал.

Саня вдруг шагнул на Кирилла, и Кирилл оторопело отступил. Саня, кряхтя, нагнулся, вытащил из груды мусора обрывок жёлтой газеты, постелил его на ржавую станину станка и осторожно опустил на газету свой поджарый зад.

– Давно я сюда не заходил, – сообщил он, оглядывая храм.

Валерий, Гугер и Кирилл не знали, что сказать.

– Чего делаете тут? – наконец снизошёл Саня Омский.

– Мы, э-э... из музея, – Валерий неуверенно посмотрел на Гугера и Кирилла. – Понимаете, фреску вот будем снимать на реставрацию.

Валерий махнул рукой в сторону Псоглавца.

– Картину сбиваете? – понял Саня. – Ну-ну. Знаю про такое. Был у нас один барыга, только за доски чалился, не за штукатурку, – Саня пожевал губами, вспоминая. – Сколько слупите?

– То есть? – растерялся Валерий.

– Это для музея, – буркнул Гугер.

– Ну, для музея – так для музея. Честный фраер не треплется.

Валерий, видно, наконец сообразил, что за тип к ним пожаловал. Он прижал ладонь к груди, беззвучно извиняясь, вытащил телефон и отошёл в сторону позвонить.

Перед отъездом Лурия выдал всем одинаковые аппараты, которые поймают сигнал даже в этой глуши. В аппаратах были и встроенные диктофоны. Свой подарок Кирилл повесил

на тесёмке на грудь. Сейчас он включил запись и переложил аппарат в нагрудный карман рубашки, чтобы не отвлекать Саню светящимся экраном.

– Дайте закурить, – ревниво приказал Саня Омский.

Гугер вытащил пачку «Парламента», открыл и протянул Сане.

Саня, не торопясь, извлёк из внутреннего кармана пиджака оранжевую пластмассовую мыльницу, отколупнул крышку и вытащил из пачки Гугера сразу пучок сигарет. Он сделал это спокойно и привычно, словно принял налог. Он сложил сигареты в мыльницу как в портсигар, убрал мыльницу и поманил Гугера. Гугер опять покорно протянул пачку. Теперь Саня вставил сигарету в рот.

– Огоньку, – велел он.

Гугер, играя желваками, звякнул крышкой зажигалки «Zipro» и поднёс огонь Сане к лицу. Саня дунул на зажигалку.

– Баклан, – сказал он. – Огонь не подают. Если ты нормальный пацан, просто дай фугас, и всё.

Саня забрал зажигалку, прикурил и вернул зажигалку Гугеру.

Кириллу стало невыносимо в этой вязкой блатоте. Он отвернулся. Как такие уроды умеют нагнуть всех вокруг, повязать по рукам и ногам одним своим присутствием?

– Как девочка пукнула, – проворчал Саня, вынул сигарету изо рта, оторвал фильтр и теперь затянулся с удовольствием. – Садитесь, чего стоять. Я не прокурор, долго не просидите.

Гугер и Кирилл покорно уселись на груди мусора, кто где смог. Гугер тоже достал телефон и молча принялся тыкать пальцем в экранчик – писал эсэмэску. А Саня, видимо, хотел поговорить, поучить новичков.

– Здесь зона была – знаешь? – Саня угрюмо поглядел на Кирилла. – Её спецлютой называли. Я на ней два квадратика и уголок отмотал.

Кирилл рассматривал Саню Омского, будто какого-то волосатого тропического паука в программе Animal Planet. И впечатления были подобные: смесь омерзения и любопытства. Инопланетянин. Только не IT, а скорее ALF. Два квадратика – наверное, дважды по четыре года, подумал Кирилл. А уголок – год. Итого девять лет.

Саня Омский сопел, вспоминая былое.

– Подняли меня сюда при дедушке, в семьдесят седьмом, а откинулся уже при меченом. Хорошая зона была, правильная. Я ещё на централье слышал, что в Калитино зона чёрная. На красной меня бы суки запрессовали, в конверт бы заклеили, я ж на любой киче всегда в первой пятёре был. А здесь как кот. Кандер по полной, планом и ханью грели, через баркас ко мне такие вафлёрки из местных бегали, у одной биксы – о! – Саня ладонями показал огромные женские груди.

Кирилл не сомневался, что старый уголовник просто понтует. Чем-то надо заплющить московских. И оправдать свою жизнь, которую бездарно просвистел по гадюшникам. Но всё равно было противно.

Валерий ходил взад-вперёд за кучами хлама, разговаривая по телефону. Гугер отрешённо пережидал визит гостя.

Саня наклонился и уронил изо рта себе под ноги харчок, а в него воткнул окуроч.

– А когда зона закрылась? – спросил Кирилл.

– Зона? В девяносто втором. Здесь стали заповедник делать, а зону перевели под Котельнич. Жаль, хорошая зона была.

– Чем на ней занимались? Лес валили?

– Ну, поначалу-то лесоповал был, да. Потом лес нахер вырубил и стали торф добывать. Там, подальше, вскрыша начинается.

– Какая крыша?

– Не крыша, а вскрыша. Где землю вскрыли. Торфоразработки. Котлованов там два десятка, бурты стоят брошенные. Это вот дым-то от них. Они горят, котлованы.

– И что, никто не тушит?

– Да чего-то возились, потом бросили. Хера ли. Будут дожди, дак сами погаснут. Каждый год так. Сюда ж никак не проехать. Раньше узкоколейка была от разработок до Семёнова. Как лагерь закрыли, так и она сдохла. Какой-то фраер её на металлолом сдал. Остался только хвост от Калитино до котлованов. Туда местные за торфом катаются. У нас же торфа вместо дров.

– Как – катаются? – не понял Кирилл. – На чём? На велосипедах?

– Плашкеты, что ли, на лисапедах? – ухмыльнулся Саня Омский. – Мурыгин, гумза, дрезину заныкал. Он её у кума с зоны выкупил. Щас сдаёт за деньги, кому на котлованы надо. Километров восемь туда.

Наверное, этот Саня как вышел из зоны, так и остался в деревне у какой-нибудь сердобольной «вафлёрки с биксами», подумал Кирилл. Будь Саня настоящим вором в законе, неужели на просторах Союза он не нашёл бы местечко потеплее, чем деревня Калитино?

– Тяжело на котлованах работать было? – сочувственно спросил Кирилл, провоцируя Саню или на возмущение, или на жалобы.

– Шлангуешь, – обиделся Саня. – Я вор правильный, я на кичмане ничего тяжелее весла не подымал. Мне на ментов мантулить западло. Они рады были, если Саня Омский для фортецела на поверку выйдет, а на промзону я ни ногой. У меня в бараке однажды бугор свои лопаря с моими спутал и надел, так я потом их нахер выбросил. Саня Омский – не мужик и не тварь, чтоб носить лопаря, которыми торфа топтали.

«За что он сидел здесь, весь такой расписной?» – думал Кирилл. Наверное, в своём Омске в пьяном кураже с такими же ублюдками где-нибудь в ЦПКиО разломал билетный киоск и получил на всю катушку за групповое ограбление. А сейчас корчит из себя тиранозавра, хотя как был вонючим хорьком, так и остался.

– Там, за церковью, где выпас, бараки находились. Там и там КПП стояли. Охрана в деревне жила. А тут вот биржа была. А здесь, – Саня покрутил пальцем над головой, – слесарный цех. Вон швеллера от него остались, – Саня показал вверх. – Здесь станки были, – Саня похлопал ладонью по станине, на которой сидел. – Точили и разводили фрезы для торфорезок. Ну, и финкари делали. На композитора их меняли.

Валерий закончил разговор, убрал телефон и подошёл поближе, но не настолько близко, чтобы Саня решил, что заполучил слушателя.

– На какого композитора? – издалека удивился он.

– На Чайковского. Из которого чифир заваривают.

Гугер хмыкнул, глядя в окно.

Кирилл представил, что по этому большому помещению тянутся ровные ряды станков, люди в робах что-то фрезеруют или точат. Воют моторы, визжит металл, а над работающими тихо и невесомо стоят фигуры святых в длинных одеяниях. И с простенка на эков, сжав в руке древко копыя, смотрит Псоглавец, опустив длинную морду.

На улице уже клубились мгlistые сумерки. Меж досок в окнах угасли огненные щели. В храме потемнело. Псоглавец, как настоящий хищник, почти растворился в полумраке, словно замаскировался в засаде, но его выдавали белёсый панцирь и светлый нимб.

Кириллу надоела лагерная ностальгия Сани Омского, коей он вроде как должен был внимать с сочувствием и уважением. Но Лурия поручил ему собирать байки о Псоглавце, а не мемуары старожилов.

– Святые-то не мешали? – Кирилл насмешливо кивнул на стены.

– Я не работал, мне не мешали, – ухмыльнулся Саня.

– А это кто? – Кирилл напрямую указал на Псоглавца.

Дикий, фантастический Псоглавец возвышался над ублюдочным миром российской зоны, словно башня Саурана над Средиземьем. Святой Христофор был совершенно чужд этому миру, но вот Псоглавец казался неотъемлемо и органично встроеным в него.

Валерий за спиной Сани покрутил пальцем у виска. Гугер перевёл взгляд на Кирилла. Оба они оторопели от подобной дерзости, будто Псоглавец был чем-то таким, о чём нельзя говорить бесцеремонно. А Саня вдруг встал и шагнул к Псоглавцу. Он замер у простенка, сутуло опираясь на трость, и закинул голову, рассматривая фреску.

– Его у нас звали Торфяной гапон, – проскрипел Саня. – Сука он.

– Понимаете, это же святой, – с тихим осуждением сказал Валерий.

– Какой, нахер, святой. Псина. Овчарка.

– Написано «святой Христофор», – указал Кирилл.

– Где? – презрительно спросил Саня и сплюнул на кучу мусора.

Похоже, за тридцать с лишним лет он так ни разу и не удосужился прочесть, что начертано под ногами Христофора.

– Так кто он, Сань? – настаивал Кирилл.

Саня закопошился, вытаскивая свою мыльницу, и грязным ногтем стал выколупывать из неё сигарету. Курить свои, когда рядом есть чужие, означало, что Саня забыл все понты и правила авторитетного зэка. Саня поднял трость и стукнул её копытцем в колено Псоглавцу.

– А он не один. Гапонов много. Очко не сыграет, если узнаете?

– Не сыграет, – ответил Кирилл.

– Борзый ты парнишка...

Саня курил, словно торопился на казнь.

– Я сам торфяного гапона не видел, и слава тебе господи, – Саня перекрестился сигаретой. – Они здесь ещё при Сталине появились, хер знает откуда. Живут в лесу и на торфяных болотах. Люди, а бошки пёсьи. В тридцать седьмом начальник зоны полковник Рытов их как-то приручил, что ли... Да чё как-то, человечинкой прикормил... Если кто с зоны оборвётся, Рытов не вохровцев посылал, а этим гадам знать давал. Они же собаки. След берут. И никто от них не уйдёт. Любого догонят и в куски порвут. И многих, говорят, порвали. А вохра потом приносила в мешках головы и руки откушенные, кости кровавые.

Саня замолчал.

– И что? – осторожно спросил Кирилл.

– А что? – разозлился Саня. – Здесь же тогда лесоповал был! Хоть узкоколейку ещё не протянули, всё одно до города сто километров, три дня ходу. Там на железку – и привет, свободен, зэка! С лесоповала бежать сам бог велел. Пуля вохры для зэка как мама, на овчарок ножи были, топоры. Такого никто не боялся. А нечисти этой уссаться, как боялись. Когда гапоны три или четыре рывка растерзали – всё, зэка за баркас ни шагу. У КПП Рытов приказал стол поставить, а на него – банные шайки, в них и лежали головы отгрызенные. До писят третьего, до амнистии, когда уса́тый помер, никто больше из зоны на отрыв не дёргался. Хера ли, когда такой упырь тебя в лесу стережёт? Лучше целым срок домотать, хоть четвертак, чем с таким страхом бодаться. Рытов, кум лагерный, звезду за звездой привинчивал.

У Кирилла волосы на руках стояли дыбом. Это святой Христофор? *Не надо туда!* – вспомнил Кирилл мольбу немой Лизы.

– А после смерти Сталина бегали?

– В писят шестом узкоколейку провели и лесоповал закрыли, перешли на торф. Кто отчаянный был, те ещё бегали. На плотках по реке в молевой сплав, на вагонетках. Кого-то вохра принимала, кто-то уходил... Но через лес никто не рыпался. Их же всё равно видали после Рытова, гапонов-то. Мелькали издали на болотах, на вырубках. А зона помнила, что это за черти. Как тут забудешь, если эта падла на стене нарисована, и охрана эту картину караулит, как красное знамя?

Все четверо молчали.

И вдруг Саня осклабился – его волосатая морда словно треснула пополам. Во рту у Сани Омского Кирилл увидел гнилые обломки зубов.

– А я от него всё равно ушёл, – злорадно сказал Саня. – По-чистому ушёл, не взять меня!

Саня повернулся к Псоглавцу, криво отдал честь и гаркнул:

– Здравия желаю, гражданин начальник, сука торфяная!

Опустив руку, Саня заковылял к выходу. Кирилл не сразу понял, что Саня отправился восвояси. Как-то ни «прощай», ни «до свиданья».

Саня оглянулся.

– Эй, – окликнул он сразу всех, Кирилла, Валерия и Гугера, – если у вас с нашими непонятки начнутся, обращайтесь. Я всю здешнюю хевру за шкварник держу.

Саня тростью толкнул дверку, тяжело переступил порог и растворился в дымной синеве сумерек.

6

Российскую деревню вблизи Кирилл впервые увидел в школе, в седьмом классе. Он был под Малоярославцем с приятелем в гостях у его бабушки. И Кириллу в деревне даже понравилось. Все друг друга знают, маленькие чистые дома в кружевах резьбы, акации огорожены заборчиками, чтобы козы не объели. Там мужики катали пацанов в открытом кузове грузовика. Женщины, даже немолодые, ездили в магазин на велосипедах «без рамы». Утром пели петухи. На грядках росла клубника. Ещё играли в «картошку» и в «московский зонтик» – задирали девчонкам подолы. Купались в речке под названием Лужа.

Калитино было похожим, но совсем не таким. Его словно бы кто-то проклял. Кирилл шагал по мягкой улице к перекрёстку с колодцем. Над заборами свешивались ветви деревьев с вялой листвой. Тускло светлели шиферные крыши с тёмными заплатами. В окнах метались голубые отсветы телевизоров. Высокие деревянные столбы торчали, словно воткнутые с размаха, как копыта в жертву, без всякой телеграфной романтики. Обочины давно заросли косматой травой, и Кирилл шёл по дороге. Вокруг было темно, дымно и жарко. Кирилл любил летние ночи, но, оказывается, он любил южную тьму – яркую и глубокую. А здешняя темнота была душная, глухая, опасная. Она не просматривалась насквозь, и потому вся деревня казалась декорацией.

Разбухший сруб колодца стоял посреди лужи, не высохшей даже в такой зной. Сруб перекрывала заплесневелая двускатная кровля с дверкой. На ворот с железной рукоятью была намотана собачья цепь с прикованным ведром. Кирилл откинул дверку, бросил ведро в глубину, подождал, пока цепь, бренча, раскрутится, и принялся с натугой вращать рукоятку обратно, вытягивая ведро. Наверное, раньше эта процедура доставила бы ему удовольствие.

В темноте нельзя было разглядеть, насколько вода чистая. Хотя с чего ей быть грязной? Промышленности вокруг никакой. Кирилл поставил ведро на край колодца, наклонил одной рукой, выливая воду тонкой струйкой, и сунул под неё свою бутылку. Бутылка, наполняясь, заиграла в ладони и увесисто тяжелела.

Кирилл закрутил горлышко бутылки пробкой и пошагал обратно.

Гугер втиснул автобус вдоль забора между торцом школы и линией вкопанных покрышек. По спинам покрышек Кирилл проскакал мимо автобуса, как на физкультуре, и спрыгнул на тропинку, которую они уже протоптали в бурьяне. Стараясь не оступиться, поднялся на расшатанное крыльцо и вошёл в здание заброшенной школы.

Его рюкзак, свёрнутый в рулон коврик и тушка спального мешка лежали в бывшей прихожей, где на стенах ещё сохранились доски с вешалками для учеников. Из глубины здания доносились голоса Гугера и Валерия. Одна стена коридора была слабо освещена и чешуйчато блестела растрескавшейся краской. Кирилл бросил рюкзак и спальник за дверь первого попавшегося на пути класса.

Гугер и Валерий, разложив коврики из пенополиуретана, сидели на полу. Между ними стояла сумка-холодильник Campingas и – торчком, линзой вверх – мощный полицейский светодиодный фонарь Inova, какими торгует фирма «Экспедиция». Конус света бил в жёлтый потолок, покрытый разводами и паутиной. Кирилл расстелил свой коврик, замкнув пространство вокруг сумки и фонаря, и тоже уселся.

Валерий аккуратно поедал куриный окорочок, время от времени вытирая рот салфеткой, и запивал колой. Гугер курил и дул «Туборг» из банки, ещё две банки стояли рядом.

Гугер первым стал называть школу базой. Вернувшись из церкви на базу, они обнаружили, что жить там невозможно. Электричества не было. Свет не горит, фумигатор не включить, ужин без микроволновки не приготовить, даже чаю не выпить. Пришлось ужинать как попало.

– Хоть костёр разводи, – в сердцах сказал Гугер.
– Котелка-то всё равно нет, – вздохнул Валерий.
– Пивом не наешься, – заметил Гугеру Кирилл.
– Банка пива по калорийности равна котлете.
– Я «Шеш-Беш» люблю, – грустно вспомнил Валерий. – Бозартма вне конкуренции. Это такие кусочки курицы тушёные.

– А мне пофиг, – сказал Гугер. – Я рано утром жру, у меня рядом с домом фастфуд круглосуточный.

– Почему так странно? – удивился Валерий.
– Ночью я в Сети. С часу до шести трафик самый дешёвый. В шесть жру и спать.
– Гугер – твоё сетевое имя? – догадался Кирилл.
– Гугер – великий воин, маг третьего круга, кавалер ордена Семи Мечей, бессмертный из рода Бьёфурда. А это, – Гугер указал себе в грудь, – всего лишь его аватар в реале.

– И где этот аватар работает? – скептически спросил Кирилл.
– А-а... – Гугер отмахнулся сигаретой. – Нигде. Так, интернетом приторговываю, хватает.
– Это как это интернетом торгуешь? – не отставал Кирилл.
– Отпиливаю маленькими кусочками и продаю на Басманном.

Гугер не хотел говорить про свои доходы.

– Понимаешь, сервис, мелкий софт, рассылка, веб-дизайн, – с видом знатока сообщил Валерий. – Пол-Москвы этим живёт.

– А ты, Валер, где работаешь?

– Я менеджер. Ну, старший менеджер, точнее.

– Где?

– В Доме книги на Ладужской.

– Где-то учился?

– Филфак МГУ.

– Нехило, – уважительно сказал Кирилл.

Валерий изобразил недоумение, подняв брови.

Типа как «ну а где ещё я мог учиться? В урюпинском техникуме на механизатора?»

– Гугер, а ты где-то учился? – допытывался Кирилл.

– Кир, ты чего, у военкома на подхвате? – разозлился Гугер.

– Ладно-ладно, – быстро отступил Кирилл. – А где живёшь? Или про это тоже нельзя спрашивать?

– В Кунцево, – отчеканил Гугер. – С родителями. Не женат. Не привлекался. Восемьдесят пятого. Дальше Вэла доставай.

– А ты, Валер? – Кирилл внял совету Гугера.

– Я на Лосиноостровке живу, даже метро нет, – вздохнул Валерий.

– Чего в такой заднице? – удивился Гугер.

– Можно подумать, Кунцево намного ближе к центру, – обиделся Валерий. – Живу, просто где у жены квартира.

Кирилл откусывал бургер и запивал из бутылки. Кто такой Кирилл, где он учился и где он живёт, Гугера и Валерия, видимо, не интересовало.

– Надо решать, как нам очеловечить эту пещеру, – сказал Гугер.

– Электричество необходимо, – важно изрёк Валерий. – У меня телефон разряжается.

– У меня тоже ноутбук не от педалей работает. Где электричество возьмём? ДнепроГЭС на речке построим?

– Ну... Провод протянем... – неуверенно предложил Валерий.

Они помолчали. Кирилл не знал, откуда взять электричество. Гугер всё более раздражался.

– Так, значит, – решительно начал он. – У меня есть две бобины кабеля на двести двадцать, с пилотом. Кир, ты ведь ответственный за сказки? Когда пойдёшь по домам опрашивать, договорись воткнуться в розетку. Лучше в ближайшем доме. За счётчик хозяевам заплатим.

Кириллу не понравилась идея связываться с местными.

– У нас же Валера – организатор всего, – напомнил он.

– Вэл мне завтра будет нужен.

– А если от генератора? – пробовал альтернативы Кирилл.

– Может, ты тогда сюда бензовоз пригонишь?

– Слушайте, здесь какая-то дикая деревня, – заволновался Кирилл. – Как мне одному тут ходить? Мне тоже нужен помощник.

– Неужели такой простой вещи не сумеешь сделать сам? – укорил Кирилла Валерий, который явно обрадовался, что не ему надо будет стучать в двери калитинским алкашам и уголовникам.

– Ну, ладно, пацаны, – согласился Кирилл, разозлившись. Валерий и Гугер были ему случайными знакомыми, они не станут по-дружески входить в его положение и помогать. – Тогда я спать иду. Мне для завтрашних переговоров нужен здоровый цвет лица.

Он встал, поднял свой коврик и ушёл в коридор.

– Обиделся, – услышал он за спиной негромкое и снисходительное пояснение Валерия.

– Не маленький, – буркнул Гугер.

Кирилл свернул в класс, куда до этого бросил свои вещи, и закрыл за собой дверь. Класс был довольно просторным. В обоих окнах уцелели стёкла. У стен стояли старые деревянные парты, каждая с наклонной столешницей, с дыркой под чернильницу и с двумя откидывающимися крышками. Такие парты Кирилл видел только в советском кино.

Посреди помещения Кирилл ногами разгрёб с пола мусор и куски штукатурки, положил коврик, достал из чехла и расстелил спальник, под голову пристроил рюкзак и приплюснул его ударами кулака. В классе пахло извёсткой, затхлостью, древесной гнилью досок, но всё перекрывала горечь гари с торфяных болот. Было достаточно светло, хотя как-то блёкло, подслеповато. Кирилл прислушался, но так и не уловил зуденья комаров. Видимо, их выжгло жарой и дымом.

Залезать в спальный мешок Кирилл не стал, испечёшься, а просто разделся до трусов и лёг на спальник сверху. Он представил, как завтра пойдёт по домам, и тут же придумал ещё один аргумент для спора с Валерием и Гугером. Ведь организовать быт их команды было обязанностью Валерия, за это Валерий и деньги получал. Цепляться к розетке – это быт. Значит, Валерий станет держать Гугеру стремянку, а он, Кирилл, будет выполнять работу за Валерия?..

Кирилл вообразил Гугера с болгаркой в руках лицом к лицу с Псоглавцем, потом вспомнил Саню Омского, его рассказ, как эки бежали с зоны, а начальник посылал Псоглавца в погоню... Кирилл представил, что он – зэк, что он бежит из лагеря, бежит по осеннему лесу... Он выставил вперёд руки, чтобы ветки не выкололи глаза. Ветки хлещут по ладоням. Октябрь, быть может, начало ноября... Ещё не вся листва опала, вокруг – круговерть жёлто-бурых пятен, деревья, деревья. Рукава телогрейки мокрые, руки и лоб исцарапаны, шапку с него сорвало сучком. Ноги в грубых сапогах бьют в землю, покрытую жухлой травой, и он знает, что в лесу за ним тянется цепочка чёрных следов, тихо наполняющихся водой.

Он знает, что за ним погоня, но кто гонится? Вохровцы с собаками или вправду это чудище, что нарисовано в церкви? Лая не слышно. Хрипя от удушья, он забирается на какой-то бугорок и оглядывается, утирая лицо. По другую сторону бугра он видит просторную лысину давней вырубки, густо заросшую мелкими ёлочками. Тусклое небо, осинового заросли, заброшенный лесоповал...

По ёлочкам к нему приближается полоса дрожи. Так дрожит вода, когда близко к поверхности проплывает большая рыба. Кто там, в ёлочках? Собака? Он вытаскивает из-за голе-

нища самодельный нож. Если человек – плохо, вохра не ходит в одиночку, у вохры – винтари и разрешение на отстрел. А у собаки только зубы, и он насадит собаку на перо, когда та прыгнет ему на грудь... Собака – это хорошо.

Он видит в ёлочках, что под зелёными лапами мелькает тёмная спина большой собаки. Спустили с поводка, дуболомы... Собака останавливается, задирает голову, нюхает влажный воздух. Он видит острую собачью морду, напряжённые уши... А потом вдруг собачья башка поднимается над ёлочками – словно распрямляется человек, стоявший до этого на четвереньках. Человек с головой собаки...

Кирилл подпрыгнул и проснулся, весь в холодном поту. Он лежал на спальнике посреди класса в заброшенной школе. Тускло и дымно светились грязные окошки. Вроде бы, кто-то только что стоял у одного из них, но на улице, и смотрел, что там делает Кирилл.

И вдруг завопила сигнализация микроавтобуса.

В соседнем классе тотчас раздался стук, что-то шаркнуло, грохнуло, хлопнула дверь, и по коридору мимо двери Кирилла пробарабанили быстрые шаги. Наверное, это Гугер кинулся к машине.

Кирилл сунул ноги в расшнурованные кроссовки и тоже побежал к выходу. Сигнализация улюлюкала и завывала.

Возле автобуса метался сноп света от фонаря, выхватывая то заднюю стенку автобуса, то угол школы, то забор, то бурьян.

– Убью ворюгу! – заорал откуда-то Гугер.

Свет обрушился на Кирилла.

– Убери! – крикнул Кирилл, заслоняясь.

Гугер отвёл фонарь. Кирилл подошёл. Гугер тоже был в трусах, только на ноги надел пляжные сланцы. В левой руке у него был фонарь, на запястье болталась барсетка. В правой руке Гугер сжимал травматический пистолет.

– Отруби сирену, – морщась, сказал Кирилл.

Гугер сунул пистолет на поясицу под резинку трусов, пошарил в барсетке, вытащил брелок с ключами и, нацелив брелок на автобус, надавил кнопку. Трели сигнализации оборвались.

– Хотелось бы знать, что случилось? – спросил с крыльца Валерий.

Он стоял у перил в шортах и футболке.

– Вуузела моя заорала, сам же слышал, – злобно ответил Гугер. – Кто-то хотел автобус вскрыть.

– Кто? – глупо спросил Валерий.

– Жак-Ив Кусто, – огрызнулся Гугер. – Я в автобус спать перехожу. Надо караулить от этих уродов.

– Я с тобой, – тотчас сказал Валерий. – Просто в доме душно, а в машине кондишн включить можно.

Третьему в неразгруженном автобусе места не было.

Кирилл вернулся в свою комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Он слышал, как за стенами ходят Гугер и Валерий, скрипят досками пола, вжимают молниями, шуршат. Потом их шаги протопали мимо двери Кирилла, гулко простучали по крыльцу. Одно окно сбоку осветилось – это Гугер включил свет в автобусе. Потом свет погас. Кирилл остался в заброшенной школе один.

Он стоял и слушал, не зная, что ожидает услышать. Вроде бы настала тишина. И потом сквозь неё проступили звуки медленно умирающего деревянного дома. Тихо скреблась о шифер ветка тополя. Что-то протяжно дышало, оседая. Чуть слышно вздрагивало стекло в раме. Щёлкнула треснувшая штукатурка, потёк песчаный ручеёк. Хруст. Еле различимый стон. Шелест.

Это же не замок с привидениями, – сказал себе Кирилл. Здесь никого не пытали, не убивали. Это заброшенная школа вымирающей деревни Калитино. Здесь детей учили читать-писать, показывали им, как крутится глобус, как в воде кипит кусочек натрия, как проросший горох доказывает законы Менделя... Здесь ставили двойки и пятёрки, вручали грамоты, читали наизусть Некрасова...

Все эти вещи Кирилл понимал словно бы одной половиной сознания. Другая половина пыталась освоить, привести к обыденности ошеломительное впечатление: негромкий цокот собачьих когтей в пустом коридоре. Словно бы собака бродила по мусору, смотрела на двери, нюхала что-то на полу...

В этой деревне нет собак, говорил себе Кирилл. Когда завопила Гугерова вувузела, в ответ не раздалось ни одного гавка. В этой деревне нет собак. А в этом доме, кроме него, нет других людей.

Словно кто-то провёл пальцем по груди Кирилла. Кирилл резко повернулся. Оказывается, он, слушая, плотно прижимался щекой к фанере двери. По груди просто стекла капля пота. А как-то раз было, что напротив стояла голая Вероника и вот так же проводила пальцем ему по груди. *Кирюша, это несерьёзно*, сказала Вероника. *Не надо туда*, ответила ей деревенская немая девушка Лиза. Не надо туда, потому что на самом деле там всё очень серьёзно.

Если я не узнаю, что происходит за дверью, я сдохну от страха, подумал Кирилл. Но если я увижу за дверью собаку, и эта собака, медленно распрямившись, поднимется и встанет передо мною Псоглавцем, – я тоже сдохну, – довёл Кирилл до конца свою мысль. Я выживу, только если там никого и ничего нет. Но ведь я слышу цокот собачьих когтей...

Кирилл зарычал, распахнул дверь и выскочил в коридор. Конечно, коридор был пуст. Но в нём отчётливо пахло кислой псиной.

7

Завтрак оказался ещё хуже ужина.

– Двадцать первый век! – ворчал Гугер, с отвращением хлебая йогурт пластиковой ложечкой. – В глухой деревне сотовая связь и вай-фай! А умыться, блин, нечем, и пожрать нечего...

– Это и называется постиндустриальная цивилизация, – пояснял Валерий, запивая чипсы выдохшейся минералкой.

Они сидели на досках крылечка, не желая пропускать прохладу.

Кирилл жутко не выспался. Он помнил, что его глаза стали закрываться, только когда мутный восход высветил все углы в классе. Трястись как скаут после «Ведьмы из Блэр» ему вовсе не нравилось. Он никогда не был пугливым, но сейчас твёрдо понимал: здесь ему страшно. И не важно, оправдан этот страх, или же это самовнушение. Со страхом надо бороться, вот и всё. Лучший способ – чтобы Гугер и Валерий тоже ночевали в здании. Но ведь и автобус надо караулить...

– Кирилл, может, ты и с водой проблему решишь? – осторожно спросил Валерий.

– Как? Колодец выкопаю?

– Ну, просто принести несколько канистр...

– Вы, пацаны, чего-то попутали, – зло сказал Кирилл Валерию и Гугеру. – Я вам тут кто? Водопроводчик, электрик, повар, сантехник? А сауну не закажете? Я и девочкой по вызову могу поработать.

Гугер ухмыльнулся.

Утром дым торфяников подняло куда-то в высоту, и тусклое небо неясно лучилось, хотя размазанное солнце не набирало той яркости, чтобы вещи начали отбрасывать тени. Кирилл с крыльца оглядывал двор школы. Бурьян, бурьян... В нём чёрные гребёнки пошатнувшихся заборов, словно какие-то рыбацкие запруды. Надежду внушал только большой сарай с широкими двустворчатыми воротами.

Кирилл спрыгнул с крыльца и направился к сараю.

В створки ворот были вбиты ржавые скобы, сейчас перемотанные проволокой. Кирилл с трудом размотал её и швырнул в сторону, по густой траве с натугой отволол одну створку и протиснулся в щель.

А вроде ничего. Ширина ворот позволяет проехать микроавтобусу. Внутри места вполне хватит. Только надо убрать хлам – доски, руины мебели, какие-то мятые баки. Железная крыша вся в дырах, ну и что?

– Гугер, иди сюда! – позвал Кирилл, выглядывая.

Через некоторое время Гугер с сигаретой пролез в сарай. Вслед за Гугером появился и Валерий.

– Ну как? Годится под гараж для нашего «мерса»?

– А чего? Можно, – согласился Гугер. Он посмотрел наверх. – Как в планетарии, – заметил он.

– Прорехи – это плохо, – подтвердил Валерий. – Зато через такую кровлю местные не проберутся. На неё же вылезать просто опасно. Провалишься и об железо изрежешься.

– Только замок надо.

– Замок добуду, – пообещал Кирилл. – Валер, выдай мне штук десять на хозяйство.

– А почему так много?

– Я же не в казино иду! Верну сдачу! Гугер, а ты отдай мне ствол.

– Нафиг тебе ствол? – тотчас встопорщился Гугер.

– Вас там двое, а я один.

– Да тут все квашенные, плевком повалишь...
– Вот ты оставайся и плюйся по ним. А я пойду в церковь стенку канифолить.
– Я думаю, он прав, – поддержал Кирилла Валерий. – Ну, просто деревня же... Мало ли чего.

– Окей, – не стал спорить Гугер.

В автобусе Гугер достал из бардачка увесистую кожаную кобуру.

– Обойма, – показал он, вытащив большой чёрный пистолет. – Предохранитель. Курок. Пуля вылетает из этой дырочки.

«Streamer», – прочитал на пистолете Кирилл.

– Сколько патронов?

– Тринадцать для врагов, один для себя.

Валерий в это время отсчитывал деньги.

– Лучше мелкими, наверняка сдачи нет, – посоветовал Кирилл.

– Постарайся взять товарный чек, – попросил Валерий.

– Тут не «Ашан», какой товарный чек?

– Ладно, я разрулю этот вопрос с Лурией...

Гугер с Валерием ещё некоторое время возились со снаряжением, и наконец захлопнули дверки. Автобус тихонько зафырчал и упятился за угол школы. Кирилл отправился в свой класс, собрал шмотки и спрятал их в дальний угол за сломанные парты. Пистолет Кирилл бережно завернул в какую-то ветошь и зарыл в кучу мусора ихлама: никакой вор не догадается искать что-либо здесь.

На улице возле дома Мурыгина, местного торговца, толклись и галдели какие-то дети совсем не местного вида. Кирилл завернул в проход между двумя штакетниками. Высланная досками дорожка вела к крылечку веранды.

Веранду Мурыгин использовал как магазин. Помещение пополам перегораживал прилавок, возле него отоваривались шестеро или семеро туристов – молодых мужиков и женщин. Кирилл понял, что это их дети околачиваются на улице. Места у прилавка Кириллу не было, и он встал у стены, ожидая своей очереди и разглядывая туристов.

Мужики были загорелые, небритые, потные, голые по пояс, в банданах, в длинных шортах до колен и в пляжных сланцах. Женщины пришли в бейсболках, в тугих майках, в обтягивающих бриджах и кроссовках. Туристы казались здоровыми, полными сил, весёлыми. Но раздражённому Кириллу всё не нравилось. Мужественность мужиков выглядела дешёвкой, бодрячеством мелких клерков или автослесарей, палаточных бизнесменов или установщиков евроокон. Сексапильность женщин с круглыми задницами и налитыми грудями напоминала вчерашний воздушный шарик, который за ночь одряб, но утром на жаре и солнце раздулся обратно.

– А фанта у вас есть? Мне полторашку.

– Скотча широкого моток.

– Девочки, я такое мороженое только в детстве ела! Вафельные стаканчики! Надо взять детёнышам!

– С пятихатки сдашь?

– Репелленты какие? Только эти?

– Хлеба не забудьте, четыре булки.

– Смотрите, сухофрукты! Какой кошмар, полный совок!

– А молока свежего где можно купить?

– Ленка, ты мне тысячу не разменяешь?

– И вот этих конфет ещё пакетик. Так по конфетам соскучилась!

– Серёжа, не бери ты чипсы, опять изжога будет.

– Вискаря нету, да?

- Девчонки, мы берём «Балтики» четыре кейса и две водки. А вам красного или белого?
- Дима, куда вам столько пива?
- Нет, я такое не пью... Это ужас какой-то, а не вино!
- Сока яблочного две коробочки дайте.
- Батареек пальчиковых упаковку.

После нескольких дней одичания весь ширпотреб цивилизации для туристов был неудержимо соблазнителен. Они покупали, отходили от прилавка, возвращались и покупали снова ещё что-нибудь. Кирилл еле дождался, пока туристы двинутся к выходу.

За прилавком сидел жирный щетинистый хозяин в клетчатой рубашке. С висков у него стекал пот, вид был страдальческим. Наверное, это и был местный кулак Мурыгин.

- Замок навесной есть? – спросил Кирилл.
- Нет, – просипел Мурыгин.

Упс, вот и всё. Нет замка – нет гаража для автобуса. Нет гаража – местные уроды опять полезут что-нибудь красть. Полезут уроды – Гугер и Валерий заночуют в «мерсе». А Кирилл останется один в здании школы. И снова явятся эти кошмары.

Может, конечно, Псоглавец и вправду предводитель призрачных собак деревни Калитино. Только вот в личных страхах его, Кирилла, виноват не Псоглавец, не раскольники, не тот безвестный богوماз, что намалевал чудище на стене храма. Виновата деревня Калитино, где нет нормального магазина, нет нормальной дороги, нет какого-нибудь приемлемого приюта для гостей, хотя здесь – заповедник, а по реке плывут и плывут туристы. И ещё тут есть алкаши и деграданты, от которых не спрятаться – не скрыться ни днём, ни ночью.

Кирилл тупо разглядывал витрины мурыгинского магазинчика. Это были даже не витрины, а какие-то нелепые шкафы с открытыми полками. Кирилл увидел, что на их стенках краской криво написано: «инв. № 571», «инв. № 577», «инв. № 578». Что, Мурыгин переписал своё добро? А потом до Кирилла дошло, что эти шкафы – из бывшей школы. Шкафы для наглядных пособий. Мурыгин переволок их к себе.

Не мудрено, если Мурыгин знал, в чём нуждается деревня. Он и торговал хлебом, макаронами, крупами, сахаром, чаем. В углу урчал и трясся облупленный холодильник, где, видно, хранилась колбаса. В замасленных коробках лежали разнокалиберные гвозди. Имелись в продаже удлинители, изолента, кисти, ножовки, банки клея, мотки верёвки и проволоки. Но адресно туристам были выставлены бутылки с минералкой, китайские бейсболки и носки, водка и вино, кейсы пива «Балтика» и баллоны «Красного Востока», печенье и конфеты, скотч, батарейки Panasonic, упаковки салфеток, рулон полиэтилена, одноразовая посуда Uрах-Unity, фонари Led lenser, бритвенные станки Gillette, наборы Nivea, пакетики дешёвого шампуня Head & Shoulders, тюбики зубной пасты Colgate, даже дорогой топор Fiskars с пружинящим и фосфоресцирующим топорщиком. У этого Мурыгина была снайперская точность попадания в нужды насущные.

А ведь такой же хмырь, как Саня Омский или этот Лёха. Вон сидит, потеет с похмела. Значит, дело не в объективной гибели деревни Калитино. Дело в деградации.

Что такое деградация? Катастрофическое упрощение. Но простая вещь – живуча. Сложный компьютер сломать легко, а примитивный молоток – очень трудно. Вот и Калитино, выживая, деградировало в простоту. Нет работы, власти, магазина, дорог, газа, водопровода – ну и что? Их заменили картошкой, воровством, самогоном, мордобоем, дровами. Всё это – вечное, потому что элементарное. И этого уже не отнять. А шариковый одорант Nivea и репелленты Gardex – для пришельцев из сложного мира, для чужаков, которым тут не выжить.

Вот эта разница в степени сложности и напрягает. Пугает. Кирилл понял, что он боится этой деревни, как умный дрессированный сеттер, живущий в особняке лорда, боится гадюки из придорожной лужи. А все привидения – лишь овеществление его страха. Давно же известно, что лучшие романы ужасов сделаны из массовых фобий. Европа боялась наследия своего Сред-

невековья, и родился готический роман с Дракулой. Америка мегаполисов боится маленьких городков, где чёрт знает что происходит, и Стивен Кинг становится королём. Русская провинция боится осатаневшей Москвы, и в бреду провинциалов рождается вампирская Москва «Дозоров».

А он боится деревни Калитино, затерянной в дыму торфяных пожаров. Здесь, в Калитино, для страха нет никакой «точки сборки», как сказал бы Кастанеда, кроме дикого здешнего Псоглавца. Который выжил, потому что очень прост: человек с башкой собаки, и всё. Ведь никто здесь наверняка не знает про святого Христофора, про тотемы язычников, про староверов и скиты. Но Кирилл-то знает. Пусть он и не крещёный, но он понимает: христианский святой не может повелевать демоническими собаками, которые разрывают беглых зэков.

Эти привидения – в его голове. Их нет. Они обусловлены тем, что он, человек урбанизированный, боится деградантской деревни. А отформатированы привидения еретической фреской. Был бы святой Христофор не с собачьей головой, а с кенгуриной, то ночью по коридору школы скакали бы кенгуру. Ему, Кириллу, на ночь нужен вовсе не пистолет с серебряными пулями, а хорошая девушка.

– Ты будешь чего-нибудь брать или нет? – страдальчески спросил у Кирилла Мурыгин.

– Мне замок нужен... – тупо повторил Кирилл.

– Сказал же, нету.

Кирилл молчал, не зная, что сказать.

– Иди нахер отсюда, – посоветовал Мурыгин.

8

Кирилл с улицы поверх забора изучающе разглядывал соседний дом. Наверное, это было жильё под дачу, принадлежавшее местным «городским». Крышу дома перекрыли профильным железным листом, стены отделали сайдингом, концы брёвен забрали в короба, поставили евроокна. Недешёвый тюнинг. Кирилл вспомнил, как на экскурсии в Коломенском экскурсовод объяснял им, туристам, как важно для деревянного строения «дышать». А в этой упаковке дом сопреет за пять лет. Ну да и ладно, не его дело. Сто пудов, что в этом доме есть электричество, может, даже генератор. Но есть ли хозяйева?

Хозяев не было. Звонок у ворот не работал, на стук никто не отозвался. Значит, придётся подключаться к другому соседу, справа.

Кирилл прошёл мимо фасада школы, «базы», и по пути начал считать шаги. Школу и другой дом разделял огород, где на бурых грядках густо зеленела лохматая картофельная ботва. Среди ботвы, согнувшись, возилась пожилая женщина. От дома и двора огород был отделён кривым штакетником. Кирилл насчитал восемьдесят восемь шагов. Нормально. Ему в распоряжение Гугер оставил две бобины провода, каждая длиной по пятьдесят метров, должно хватить с изрядным запасом. Да и шаг ведь у него не метровый.

Ворота стояли не запертые. Кирилл толкнул чуть приоткрытую створку и вошёл во двор. Домик у правых соседей оказался не ахти. Небольшой и явно ветшающий. Когда-то он был добротным, крылечко тесовое, фундамент покрыт жестяным козырьком, наличники – или как там называются эти доски вокруг окна – выпилены фигурно. Сейчас крыльцо скосилось, жёсть поржавела, краска наличников облупилась.

Во дворе между крыльцом и дровяным сараем колола чурбаки на поленья та самая полумертвая девушка Лиза, которую они подвезли по пути в деревню. Кирилл сразу воспрянул духом.

На Лизе была прежняя клетчатая рубаша, теперь навывпуск, но уже не пенсионерские треники, а старые мужские штаны, обрезанные ниже колен на манер бриджей. На ногах – расшлёпанные ботинки без шнурков и с вываленными по-собачьи языками. Густые русые волосы Лиза собрала в узел на затылке, но несколько прядей выбились и смешно торчали в разные стороны. От работы загорелая Лиза жарко покраснелась, пухлые сочные губы казались влажными.

– Привет, – сказал Кирилл и смущённо кашлянул в кулак.

Лиза опустила топор и настороженно посмотрела на гостя. Кирилл ничего не мог с собой поделать – он опять взглядом зацепился за грудь Лизы, и отвёл глаза в сторону.

– Мне бы, э-э... кто хозяин у вас, поговорить, – путано объяснил он. Если эта Лиза здесь живёт, конечно, и она – тоже хозяйка, но как разговаривать с немой?

Лиза, не отвечая, легко показала топором за штакетник на старуху, что торчала в огороде.

– Спасибо, – сказал Кирилл.

Он отыскал в штакетнике калитку, зашёл на огород и через грядки стал пробираться к старухе. Старуха тяткой окучивала картошку. Только вблизи Кирилл увидел, что старуха передвигается с помощью табуретки. Одна нога у старухи то ли не сгибалась, искалеченная артритом, то ли не держала, парализованная, и старуха переставляла перед собой табуретку, опиралась на неё обеими руками и вместо шага совершала какое-то странное телодвижение, подволакивая себя вперёд. В этом было что-то от насекомого. Похоже ползает жук с оторванной конечностью, припадает на бок. Но у наблюдателя нет ощущения, что жук страдает. Повреждённый робот, не более.

– Здравствуйте, – сказал Кирилл погромче.

Старуха медленно распрямилась, разглядывая Кирилла.

– Здравствуйте, – по-деревенски певуче ответила она.

На старухе был синий сатиновый халат школьной уборщицы и какие-то белые, больничные, бязевые штаны, для которых Кирилл нашёл только определение «исподнее». На ногах – галоши, на голове – платок, завязанный под подбородком.

– Я ваш новый сосед, – внятно и громко начал объяснять Кирилл. – Нас трое товарищей. Мы на неделю поселились в том здании, – Кирилл махнул рукой, – где школа была. У нас командировка в вашу деревню.

– То-то я и вижу, машина-то большая заворачивала. Кто такие, думаю? Городские, не иначе. Заповедниковские-то по-другому, всех здесь знают, им чего в брошенном доме-то сидеть...

Старуха говорила свободно и складно, как сказительница.

– Нам в тот дом электричество нужно. Я хочу попросить вас, чтобы разрешили наш провод в вашу розетку подключить. Мы заплатим. За каждый день – пятьсот рублей.

– В день по пятьсот? – переспросила старуха.

– Да. Пятьсот в день. Дней на пять-семь. Это будет где-то две с половиной – три с половиной тысячи.

– Три-то пятьсот много...

– Ничего, для нас нормально.

– Три-то пятьсот за всё лето нагорает. Дорогой нынче ток стал. Раньше-то жги – не хочу, а сейчас за всё дерут. Тысячу сюда, тысячу туда, вот и пенсии нету, а ведь жить надо, есть-пить... Картошка-то своя, овощи там, лук, яйца, но ведь хлеб нужен, без хлеба что за еда, и прикупить чего, хоть лампочки, хоть одёжу какую...

Кириллу сначала показалось, что старуха пожалела его расходы, а сейчас он понял, что старуха, не думая о нём, сразу приложила деньги за электричество к своему бюджету. Складность и певучесть речи была не от мудрости, а от глупости и равнодушия к тому, как сказано.

– Тогда я пойду схожу за проводом – и к вам в дом. Как вас зовут?

– Раиса Петровна я. Токарева. Да просто Рая Токарева, меня тут все знают, мы же у своих-то все на виду. А ты иди вон к дочери, Лиза она. Лизка-то и розетку покажет в доме...

Дочь? – удивился Кирилл. По старухе – так внучка... Хотя сколько этой Раисе Петровне? Лет шестьдесят. Как тётке, у которой он снимал квартиру. А тётка любовника имеет, ездит на Кипр...

– Только Лиза у меня, ну, это, говорит плохо, ты не пугайся, – всё журчала старуха. – Так-то она нормальная, заикается сильно. Я бы сама подошла, дак нога отказала, целый час буду ковылять...

– Хорошо-хорошо, – торопливо заверил Кирилл.

Через забор он перелез с огорода во двор школы, достал обе бобины с проводом и улицей пошёл снова к воротам Токаревых.

Лиза всё ещё колола дрова. Она вогнала топор в чурбан и никак не могла развалить чурбан надвое или достать лезвие. Она нелепо стучала чурбаном на топоре о плаху, на которую ставила поленья. Кирилл шёл к Лизе, смотрел на её терзания, но видел лишь то, что груди Лизы от движений и наклонов увесисто качаются под рубашкой.

– Это снова я, – весело сказал Кирилл, бросая в траву бобины.

Он деловито забрал у Лизы топор с чурбаном на лезвии. Колоть дрова он не умел, но знал по кино, как справляются, если заклинило топор. Он закинул топор с чурбаном за спину, с натугой размахнулся через плечо и ударил обухом топора о плаху. Чурбан лопнул.

Кирилл отложил топор.

– Ты Лиза, – сказал он. – А я Кирилл. Я из Москвы. Я с друзьями тут, мы вчера тебя на автобусе подвезли немножко, помнишь?

Лиза настороженно кивнула.

Кирилл поймал себя на том, что ему Лиза нравится. У неё был чуть вздёрнутый нос и серые глаза. Обветренные скулы, рыжая летняя конопатость и густой загар, не курортный, а деревенский, делали её простушкой, однако сквозь крестьянку просвечивала барышня с египетским разрезом глаз, нежным овалом лица и таким изгибом губ, потрескавшихся от жары, словно эти губы знали о жизни всё.

– Мы с друзьями вон в том доме остановились, получается, соседи ваши, – пояснил Кирилл. – А электричества нет. Твоя мама разрешила мне к вам в розетку подцепиться. Я платить буду, по пятьсот в день. Это дней на пять, на неделю. Покажешь мне, куда воткнуться можно?

С разгона Кирилл не сразу осознал двусмысленность просьбы.

Лиза помолчала и кивнула. Они стояли и смотрели друг на друга.

– Ну так води меня, – осторожно произнёс Кирилл.

Это указание прозвучало совсем странно, будто он попросил Лизу провести его сразу в постель. Лиза покраснела, повернулась и пошла к крыльцу. Кирилл задумчиво подобрал бобины и пошагал за ней.

Крыльцо вело на дощатую веранду с маленьким окошком. Веранду использовали как кладовку – здесь вдоль стен стояли какие-то мешки, похоже, с кусками торфа, а на полках блестели трёхлитровые пыльные банки. Дверь в дом была утеплена и обита дерматином.

Центр дома занимала большая белёная печь. Устье её находилось на кухне. Шершавый белый бок вылезал в большую комнату, где на полу были половики, а на окнах шторы. Стол застилала скатерть, в шкафу-серванте стоял телевизор, подушку на кровати украшала кружевная салфетка. Кирилл почему-то думал, что кровать должна быть высокой, двуспальной, с металлическими шариками на спинке, но кровать оказалась обычной панцирной койкой. Другую такую же койку Кирилл успел увидеть в узкой комнатухе сбоку, проём в эту комнату Лиза сразу задёрнула занавеской. Кирилл догадался, что комнатка – спальня Лизы. Две односпальные койки в доме означали, что здесь живут только Лиза и её мать, и у Лизы нет ни мужа, ни отца. Хотя, конечно, и на односпальную кровать можно лечь вдвоём.

– Где розетка? – озираясь, спросил Кирилл.

Лиза указала под стол.

Кирилл залез под стол и увидел у плинтуса допотопную розетку. Он потрогал её – розетка шаталась. Кирилл выглянул из-под стола.

– Она болтается. Можно, я прикручу её покрепче?

Лиза молчала.

– Отвёртка имеется?

Лиза подумала и отрицательно покачала головой. Точно, мужчины в доме нет, понял Кирилл.

– Тогда принеси ножик.

Лиза ушла и вскоре вернулась, присела и протянула тупой нож. Кирилл подкрутил шурупы и воткнул в розетку вилку одной своей бобины. Этот жест показался ему откровенным намёком на секс. Он вылез из-под стола, разматывая провод. В душе всё ходило ходуном.

– Готово, – сказал он, не двигаясь с места.

Лиза смотрела в сторону, избегая глянуть ему в лицо. Кирилл ясно видел её смущение, которое не соответствовало мелочному поводу.

– Лиза, ты ведь можешь говорить? – тихонько спросил он.

Лиза наконец взглянула ему в глаза – недоверчиво и робко. Потом зажмурилась, затаила дыхание и произнесла:

– Не... много...

Глаза Лиза не открывала, точно ждала поцелуя.

Она не смотрит, почти не говорит, и он с ней наедине, подумал Кирилл. Всё вокруг будто зазвенело. Он ощутил, что вдруг очутился за той границей, за которой он волен сделать всё, что захочет. Ведь Лиза ничего не увидит, не скажет и не сделает. Расплаты не последует.

Конечно-конечно, он Лизу не обидит. Сейчас не будет ничего. Но ведь могло быть всё. Похоже, она сразу и не поняла, что допустила, но теперь Кирилл вот как-то легко и сразу получил доступ к ней. Это было уже очень лично, и тайно сближало помимо воли. Сложно, когда это впервые, но то, что случилось один раз, повторить уже не трудно. Кириллу показалось, что он с Лизой как бы обо всём уже условился, только ночь главной встречи наступит ещё не сегодня. Кирилл молча рассматривал Лизу и думал: а какая она в любви? Если в постели она закричит, это станет словно бы возвращением дара речи.

Кирилл отвернулся, чтобы не смущать Лизу и не травить себя. В простенках между окнами висели фотографии и какие-то грамоты. Кирилл положил бобины на стол и направился к фотографиям.

На самом большом цветном портрете Лиза с букетом стояла с распущенными волосами, в косметике, в светлом полупрозрачном платье, смеющаяся. Наверное, это был выпускной вечер в школе.

– Ты красивая, – сказал Кирилл, не оборачиваясь, чтобы не видеть Лизу. Так она не могла возразить ни голосом, ни жестом, а потому не могла установить дистанцию и этим будто подтверждала их близость.

Кирилл рассматривал другие фотографии. Незнакомые лица, непонятные события. Дети, деревенские тинейджеры, женщины, мужчины, старики. Чужая жизнь. Это остужало. На снимке ярких, крикливо-химических тонов провинциальной студии Fujifilm Кирилл увидел Лизу-ребёнка на руках затрёпанного дядьки.

– Отец?

– Да, – сзади тихо ответила Лиза.

Кирилл почувствовал, что она волнуется и стесняется, как на медосмотре, хотя чего такого-то – семейные снимки? Или ею, немой, никто никогда не интересовался, и потому ей всё кажется интимным?

– Он жив? – Лиза сзади молчала. – Понятно...

Кирилл увидел фотку с «мыльницы», где Лизу-подростка обнимал за плечи рослый бело-волосый парень. Кирилл вспомнил этого парня, хотя сейчас он стал куда старше, жилистее, ублюдистее. Это был Лёха Годовалов, который показывал им с Гугером и Валерием пустые дома в деревне. Ну, конечно. Куда здесь деться друг от друга?.. Хотя Лиза и немая, но ведь всё при ней, и ей не шестнадцать лет, кто-то это всё уже посмотрел и попробовал... Кирилл понял, что заревновал.

Кирилл оглянулся. Лиза смотрела на него с испугом, виновато и с надеждой. Кирилл отвёл глаза. Можно подумать, Вероника легла с ним девочкой... Но этот Лёха Год овалов, вор в сланцах, «ДМБ-2008»...

По снимку было видно, что Лиза не хотела фотографироваться. И всё же была рада и горда, что сильный парень обнимает её, готовый защитить и сделать счастливой. Лёха-то?.. Что он может в этом мире?

Кирилл вспомнил тот мир, который Лёхам был недоступен, но не из-за денег, а потому, что Годоваловым там нечего было делать, только бухать, а бухать дешевле и выгоднее дома. Кирилл любил кафешки у Нескучного и Пушкинскую набережную с трогательно-могучим космическим самолётом «Буря». Вспомнил пляжи Хургады и англичанина, инструктора по дайвингу, который, ухмыляясь, обучал Веронику, как брать в рот загубник акваланга. Вспомнил ледяные, мелко огранённые пики Домбая и страшную высоту под качающейся кабиной фуникулёра. Вспомнил Озёрку под Рузой, храмик Волынщино над водой, большой катер, который

они всегда арендовали компанией, и всегда девчонки загорали топлес... Разве это сравнится с Лёхиной крутизной в деревне Калитино? Лиза хочет этого, да?

И тут Кириллу стало стыдно. Чего он понтуется? Лиза – полунемая бедная девушка из дремучей деревни. Ей не из чего выбирать. Она никогда не увидит «Бурана», Домбая, Хургады. Она не попробует мохито, не испытает шкодливого девчачьего удовольствия загорать топлес, она даже радости секса не узнает. В её судьбе ничего этого не будет. А жизнь у неё одна, как и у Кирилла, и другой никто не даст. Её жизнь безжалостно прогорит здесь вместе с торфяными болотами.

– Ты бы хотела уехать отсюда? – хрипло спросил Кирилл.

А Вероника? – подумал он и оглянулся.

Лиза закрыла лицо ладонями.

– Не... пустят, – с трудом сказала она.

– Кто не пустит?

– Они... Они не пустят.

– Кто они?

– Они.

9

Первым делом Кирилл набрал пустых пластиковых бутылок, сходил на колодец и принёс воды. Потом достал из своего рюкзака электрочайник, залил и включил в сеть. Потом приготовил кружку, ложку, упаковку сахара и банку растворимого кофе Nescafe. И только после всего торжественно водрузил на парту ноутбук.

Ноутбук симфонично вздохнул, просыпаясь, и на экране появился такой забытый и такой привычный флажок, разделённый на четыре квадрата: красный, зелёный, синий, жёлтый. И рядом, как «слава тебе, господи», – «Microsoft Windows XP». Кирилл впервые почувствовал не утом, а шкуркой, насколько справедливо это название – «Окно».

Исчезла деревня Калитино, торфяные пожары, немая девчонка – Кирилл купался и парил в большом мире, чья сложность была ему так понятна и так желанна. Он проверил почту, поглядел новости, пробежался по любимым сайтам, упиваясь обновлениями. Очень-очень хотелось нырнуть в ЖЖ, но Кирилл не рискнул. Это слишком надолго. И тут, словно поддерживая его решение, заклокотал чайник.

С кружкой кофе Кирилл вышел на крыльцо. Вот это и есть кайф, подумал он. Неужели здесь ему могло быть так тягостно и страшно?

Кирилл посмотрел на сарай с приоткрытыми воротами и вспомнил, как хотел спрятать там автобус, чтобы не ночевать в доме в одиночку. Все кошмары только в моей голове, подумал он. Горе от ума. Но со своей головой, когда есть кофе, он как-нибудь уж справится.

Хотя внутренний скептик резонно возразил, что слишком уж он самонадеян. Собачьи шаги в ночном коридоре, запах псины – да, это Кирилл сам себе внушил. Но ведь предание о беглых эзках, которых разрывали псоглавцы, выдумал не он. Смятение Лизы – тоже реально. И Лурия предупреждал, что здесь может случиться нечто странное...

Кирилл вздохнул, допил кофе, вернулся к ноутбуку и сел за парту. Он вывел на экран Google и вколотил запрос: «псоглавцы». Он ожидал штук пятьдесят ссылок и пару картинок. И душа дрогнула, когда поисковик выдал 15 тысяч результатов и 360 изображений.

Раньше Кирилл никогда не слышал о псоглавцах. Вообще-то, он считал себя в культуре человеком вполне осведомлённым. А сейчас вдруг почувствовал себя так, словно в своей двушке на Кутузовском обнаружил третью комнату, в которой к тому же кто-то живёт.

Оказывается, существовал даже знаменитый роман «Псоглавцы» чешского писателя Алоиса Йирасека. По нему в 1955 году сняли кино. Роман входил в золотой фонд исторической литературы. Оп-па. Ничего такого Кирилл не знал и кинулся искать пересказ содержания.

Действие происходило, разумеется, в Чехии где-то во времена Стеньки Разина. В Чехии существовало некое крестьянское сообщество – «ходы», они прежде были пограничниками, потом типа как егерями в барских лесах. Император установил у них крепостное право, а они забунтовали. То-сё, злые вельможи, благородные и свободолюбивые холопы, императорские войска и плахи. У этих «ходов» на флаге была изображена собачья голова, потому их и звали псоглавцами. Кирилл понял, что с этим романом он промахнулся мимо темы.

Но ссылок на псоглавцев с избытком хватало и без чешских бунтарей. Кирилл погрузился в бездны Сети.

В общем, чаще всего о псоглавцах говорилось, что они высокого роста, под два метра. Голова у них была собачья, а тело человеческое, только на пальцах когти. Про хвост писали что-то невразумительное: то ли есть, то ли нету, то ли лохматый, то ли гладкий. А башка сплошь заросла шерстью, рыжей или бурой. На затылке могла быть мощная грива. Конечно, клыки. Уши круглые, как у гиены, и не на макушке, а по бокам. Псоглавцы ходили на ногах, но сильно сутулились и опускали голову. В описаниях этих чудищ Кирилл сразу узнал бегло-серьёзный

тон сетевых специалистов по всем вопросам – раскованный псевдонаучный стиль самозванных авторитетов.

Псоглавцы носили одежду из выделанных кож и шкур. Ношение одежды предполагало наличие стыда, а наличие стыда предполагало обладание душой. Псоглавцам остаётся лишь покреститься и вступить в партию, подумал Кирилл. Речь псоглавцев напоминала лай. Понять её люди не могли, зато псоглавцы отлично понимали речь людей, хотя и не могли говорить по-человечески.

Жили псоглавцы племенами. Во главе племени стоял альфа-самец – вожак, у которого была гвардия из бета-самцов. Вожак был женат на альфа-самке, у которой имелась своя гвардия из бета-самок. Впрочем, супружеской верностью псоглавцы не отличались. Детей растили всех вместе. Охотились и воевали. Врагов съедали, в голодные годы жрали и своих слабаков, а если уж прижимало, могли отобедать ребёнком. Всё как у нас, подумал Кирилл.

Война с другими племенами и с людьми была главным делом псоглавцев. Сетевые интеллектуалы детально анализировали оружие псоглавцев: мечи, копья, дротики, секиры, луки. Псоглавцы сражались сначала в пешем строю, потом врассыпную. В племенах имелись свои кузнецы и музыканты, которые печально играли на свирелях. А всё племя, наверное, при этом хором выло на луну, подумал Кирилл.

Происхождение псоглавцев объяснялось в основном греческими мифами. Их было два. Первый утверждал, что псоглавцев рожали свирепые амазонки, которые не подпускали к себе мужчин, а совокуплялись с собаками. А чего ждать иного, подумал Кирилл, если сексуальная жизнь ограничена такими безобразными правилами?

По другой версии, псоглавцы были потомством древнегреческого царя Ликаона. Однажды в гости к этому царю пришёл странник, а царь решил посмеяться над ним. Слуги зарезали ребёнка, пожарили и подали гостю. Но странник оказался Зевсом. Он взбесился, перевернул стол, молниями убил сорок девять сыновей Ликаона, а самого царя превратил в волка. Хорошо, что я уже не ребёнок, с облегчением подумал Кирилл. Кстати, убитого младенца звали Аркад, и страну Ликаона прозвали Аркадией – той самой, благословенной и счастливой. Но в ней волк-Ликаон наплодил псоглавцев.

От имени Ликаона людей-псов и людей-волков стали называть ликантропами. Вроде бы, врачи даже выделили болезнь ликантропию. От мифической ликантропии головы больных изменялись, обрастали шерстью и становились похожи на собачьи, как проказа превращает лицо человека в львиное. А при обычной, клинической ликантропии, психи воображают себя собаками, волками или оборотнями. От психа до пса один шаг, подумал Кирилл.

Псоглавцами, оказывается, были некоторые боги. У армян, к примеру, боги-аралезы, псоглавцы, после сражений спускались с неба на поле боя и зализывали раны воинов. Кирилл подумал, не связано ли это предание с рестораном «Ильдариуни», где назначал встречу Лурия, но решил, что случилось совпадение.

Голову шакала имел знаменитый древнеегипетский бог Анубис, которого Кирилл помнил по фильму «Мумия». Анубис был владыкой стран Запада, охранителем некрополей и погребальных обрядов. Он повелевал миром мёртвых, сопровождал умерших и вершил загробный суд, взвешивая сердца. Сердце покойника он клал на одну чашу весов, а на другую – перо богини Маат, которое весило столько же, сколько весит истина. Между прочим, в гробницах города Гермополя учёные нашли мумии псоглавцев. Не хило.

Русские, вернее, славяне, тоже имели бога-псоглавца – Полкана. Правда, его потом стали изображать в виде кентавра, потому что, как всегда, было туго с грамотой: имя Полкан прочитали как Полуконь.

Полкан происходил родом от иранского бога, крылатого змеепса Сэнмурва. Сэнмурв жил на острове в океане, на великом Древе Всех Семян. Когда он взмахивал крыльями, семена сыпались в море, и с водою их выпивал конь Тиштар. Потом конь орошал землю дождём, засе-

вая, и Кирилл не решился уточнить способ орошения. Но от Сэнмурва отпочковался и древнеславянский бог Симаргл, и волшебная птица Симург, сестра Сирина и Гамаюна, и крылатый пёс Паскудж.

Библия тоже не забыла псоглавцев. Согласно Священному Писанию, псоглавцы являются «яфетическими солдатами», из которых будут состоять полчища Гога и Магога. Эти полчища незадолго до второго пришествия Христа вторгнутся на земли Израиля с севера, будут жечь, грабить и убивать, и господь спалит их огнём с небес.

В общем, конечно, шанс быть чем-то порядочным у псоглавцев имелся, но не очень надёжный. Можно было простить и пёсьи бошки, и лай, и грабежи, но сильно смущало людоедство. Хотя адвокаты псоглавцев исхитрились доказать, что их подзащитные людоедства не допускали. Всему виной латинское слово «канис» – «собака». От этого слова происходит, к примеру, приятный термин «каникулы» – время звезды Сириус, чьё латинское название Каникула, то есть, «маленькая собачка». Но в случае с псоглавцами вместо «каникул» от «каниса» произвели «каннибалов».

Псоглавцев встречали во все времена по всей земле, кроме Австралии и Антарктиды. Мудрые и любопытные древние греки слышали, что эти чудища живут в Тунисе. Потом прошёл слух, что и в Индии тоже. Но индийские псоглавцы, в отличие от африканских, рождаются седыми и производят потомство раз в жизни. Сразиться с этими существами возжелал Александр Македонский, по-азиатски – Искандер Двурогий, но он так и не отыскал врагов, хотя потом многие летописи украсили миниатюры о битвах эллинов с псоглавцами. А римляне считали, что бородастые люди-псы кочуют по Эфиопии.

С новгородцами было всё ясно. Для них псоглавцы были жителями Сибири, с которыми торговали ушкуйники. Наверное, новгородцев ввели в заблуждение меховые шапки аборигенов. А для средневековой Европы псоглавцы жили и в Прибалтике, и в Скандинавии, и в том же Великом Новгороде, и вообще по всей Руси. Кирилл подумал, что относительно России европейцы, в общем, были правы.

Марко Поло обнаружил псоглавцев на атоллах Индийского океана, Колумб – на островах Карибского моря, а конкистадоры божились, что псоглавцы живут в Бразилии. Японцы заселили псоглавцами Сахалин и Приморье, а китайцы – Гималаи.

Обшарив планету, европейцы так и не нашли псоглавцев в диких краях, а потому стали искать у себя под боком. У Кирилла создалось ощущение, что без псоглавцев Европе было скучно. Конечно, новым видом псоглавцев оказались оборотни.

Когда дело дошло до оборотней, Кириллу стало совсем весело. Он поднялся, снова залил в чайник воду, включил, помахал руками, разминаясь, и опять сел за парту перед ноутбуком. Всё происходило в точности по Стивену Кингу, только у Кинга предысторию своего кошмара герои устанавливали в местных библиотеках по кипам старых газет. В Калитино не было библиотеки, и газет не было, да и вообще: советская пресса была коллективным агитатором и организатором, а вовсе не информатором, так что надеяться на неё не приходилось. Неужели в лагерной многотиражке «На свободу с чистой совестью» Кирилл мог бы найти статейку про то, что у КПП в банном тазу в назидание контингенту лежит отгрызенная псоглавцем человеческая голова? Местную прессу Кириллу заменял интернет. Итак, оборотни.

Кирилла интересовали те оборотни, которые превращаются в волков. Кстати, обыкновенная собака принадлежала к виду волков и роду волков, а собачьим было только семейство. Кирилл даже открыл на рабочем столе отдельный файл и записал названия. Немецкие оборотни-волки назывались вервольфами, французские – ругару, армянские – мардагайлами, английские – werewolf, испанские – hombre lobo, итальянские – lupo mannaro, португальские – lobisomem, древнеримские – faunus ficarius. Зачем ему это надо, Кирилл не знал.

Русские волки-оборотни – это волколаки. Пушкин переименовал их в вурдалаков, так с тех пор и пошло. Помимо прочих талантов, волколаки умели глотать солнце и луну. Кирилл

посмотрел в окошко на дымное небо. Ни солнца, ни луны над деревней Калитино он так ещё и не видел. Волколаки съели?..

Стать волколаком можно разными способами. Самый надёжный – продать душу дьяволу, но в этом случае обратного пути нет. Можно надеть волчью шкуру и произнести особые заклятья. Но требуется знать другие заклятья, чтобы сбросить шкуру. Можно подпоясаться заговорённым поясом. Но вернуть человеческий облик удастся лишь тогда, когда пояс сам по себе износится и порвётся. Можно быть укушенным другим волколаком. Тогда для освобождения нужно найти того, кто тебя укусил, убить и сожрать его сердце. Это хлопотно, но зато положено в основу сюжетов половины ужастиков. А можно тихо дружить с ведьмой или колдуньей и потом умереть без покаяния. Все чародеи сами по себе – уже оборотни. Впрочем, при дружбе с ними следует помнить, что от соития рождаются дети без костей.

Далеко не всякий имеет счастливую возможность превратиться в оборотня. Такие люди вообще сразу отмечены судьбой: они ужасно некрасивые, но хитрые, сильные и во всём удачливые. Оборотни – убийцы, под настроение – людоеды, но никак не вампиры. Любимое развлечение совсем уж одичавших оборотней – рыть могилы и грызть кости мертвецов. Явно собачья повадка. В волчьем состоянии оборотни себя не контролируют.

Оборотни бывают двух типов – при жизни и после смерти.

Оборотни первого типа, которые «при жизни», – днём люди, а ночью – волки. Волками они могут становиться каждую ночь или только в полнолуние, а самые умелые – когда захотят. Будучи волками, они вполне упитанные и здоровые звери, лохматость нормальная, как у дяди Фёдора из мультика.

Оборотни второго типа, которые «после смерти», – лежат в могилах людьми, а выходят из могил волками. У них железные зубы. В волчьем виде они выглядят болезненно: шкура висит, шерсть клочьями и синюшная, глаза красные. Убежище оборотня-покойника находят с помощью молодого жеребца: его приводят на кладбище и смотрят, возле какой могилы конь испугается и заржёт.

Убивают оборотней традиционно – серебряными пулями. Можно убить и как колдуна: законопатить в спину осиновый кол, отрубить голову, а потом сжечь. Но Кирилл надеялся, что до этого не дойдёт.

Он откинулся на спинку парты и потянулся. Чайник klokотал.

Кирилл прокачал сквозь себя море информации – ну и что? Он ничего не узнал и ничего не понял про деревню Калитино и про свои кошмары. Обычный итог использования интернета при неконкретно и некорректно сформулированном запросе: бездна сведений, нулевой результат. Отыскалась такая толпа псоглавцев, что не определить, какой из них нужен. «Всё» значит «ничего». *Кирюша, это несерьёзно.*

Вдруг кипящий чайник затих, а экран ноутбука мигнул, и под клавиатурой загорелся огонёк «battery». Кончилось электричество. Может, это коварные псоглавцы перегрызли провод, а может, Лиза мыла пол и случайно выдернула вилку из розетки. Но Кирилл услышал где-то на улице истошный женский крик.

10

Кирилл выскочил на крыльцо и с его высоты увидел, что на дворе у Лизы случилась какая-то заваруха. Кричали оттуда. И кричала не Лиза. На воздухе вопль расслоился на два женских голоса.

Кирилл хотел побежать, но сдержался и вышел на улицу шагом. К забору Токаревых уже сходились люди – несколько баб, старухи, пара мужиков. Пока Кирилл приближался, крики не смолкали.

Небольшая толпа, негромко переговариваясь, стояла в открытых воротах. Среди деревенских жителей Кирилл заметил и детишек, что приехали из города: детишки смотрели во двор, открыв рты – так всё им было интересно и необычно. А вообще толпа напоминала участников похорон, когда кто-то воет и бьётся у гроба, но остальные не пытаются унять эти припадки. Кирилл протолкался сквозь людей, но не сразу поверил тому, что увидел перед токаревским домом.

На ступеньках крыльца дрались Раиса Петровна и носатая, бело-крашенная девка, которую Кирилл уже встречал где-то на улице.

Женские драки Кирилл знал только по видео. «Ангелы Чарли», «Малышка на миллион», конечно, любимый тарантиновский «Kill Bill»... А здесь было совсем не так. Эта драка могла показаться комичной, если бы не была такой постыдной, жалкой и обыденной.

Раиса Петровна косо лежала на ступеньках крылечка, подогнув парализованную ногу, её табуретка отлетела к забору. В волосы Раисе Петровне вцепилась крашенная девка, трясла старухе голову и пинала в живот коленом. У Раисы Петровны была разбита губа, у девки на щеке атели глубокие царапины. Старуха одной рукой держалась за край ступеньки, а другой по-куриному драла девке грудь и бок. Она не давала скинуть себя с лесенки, и девка не могла прорваться в дом.

– Сука паскудная! – визжала девка. – Я те космы вырву, глаза выдавлю! Зарежу Лизку твою блядунью!

– Шалава! – выла Раиса Петровна. – Верка-прошмандовка! Гадина ты и муж твой гадина! Провалитесь вы оба, чтоб вам в аду сгореть!

– Пусти, сука! Пусти к мужу! Лёша! Лёшенька мой!..

– Накажи ты господи, и Лёшку твою накажи!..

Кирилл оглянулся на стоявших рядом мужиков и баб.

– Что происходит? – спросил он.

– Годовалов пьяный к Лизке Токаревой завалился, – пояснил один из мужиков. – Верка хочет его вытащить, Райка не пускает.

– Почему не пускает?

– Верка Лизку порежет.

– А вы чего стоите? – гневно спросил Кирилл.

– Не суетись, – посоветовали ему. – У Годоваловых с Токаревыми такое кажен месяц. Ухайдакаются, сами расплзутся.

Смотреть на дерущихся баб Кириллу было невыносимо.

– Знаю, сука! – орала Верка. – Ты мужа моего хочешь к блядовке своей переманить!.. Лёшка, козёл, выходи!.. Пусти меня к нему, сука!

А что там Годовалов с Лизой? – подумал Кирилл.

Он побежал к крыльцу, чтобы оттащить Верку от Раисы Петровны и вместо неё пробиться в дом. Пинаясь, Верка дрыгала ногами, и подол платья заполз ей на задницу. Кирилл увидел белые Веркины ляжки и ниже колен – загар, похожий на гетры. Кирилл со спины обхва-

тил Верку за талию. Верка была сильная, гибкая. Здоровая деревенская тёлка, двурукая в работе и охочая до мужика.

– Уйди! – заорала Верка. – Лёшка, ко мне мужик лезет!..

Кирилл под мышки, пятась, поволок Верку к воротам, но она двинула Кирилла локтем в бок, рванулась, вырвалась, упала на траву и кинулась обратно к Раисе Петровне. Она сходу снова вцепилась старухе в волосы и стукнула Раису Петровну головой о ступеньку.

Кирилл опять облапил Верку за талию и потащил назад, но теперь Верка тянула старуху вслед за собой за волосы. Раиса Петровна завывала, сползая по лесенке.

– Сдохни, сука! – визжала Верка.

Всё это было ирреально. Омерзительная бабья драка, проклятая деревня, звериные нравы, животная жизнь, деграданты, дно...

Кирилл сунул руки Верке под мышки, схватил тугие Веркины сиськи и сжал что было сил, как резиновые мячи. Верка завопила и отпустила волосы старухи, повалилась на Кирилла и когтями впиалась ему в ладони. Кирилл отдернул руки и отпрянул. Верка шлёпнулась на землю, извернулась и куснула Кирилла в голень. Кирилл отлягнулся, отбрасывая Веркину голову, отпрыгнул в сторону, наклонился и схватил Верку за ногу. Так он и потащил Верку по траве к воротам.

Верка извивалась, орала матом, порванное платье на ней бесстыже задралось, оголив живот, хорошо хоть трусы оказались не тонкими стрингами, а более-менее широкими плавками.

– Пидара-а-ас! – орала Верка.

Кирилл дотащил Верку до ворот и бросил к ногам толпы. Мужики в толпе ржали, бабы от стыда отворачивались. Посреди толпы, опираясь на трость, стоял Саня Омский с сигаретой и ухмылялся.

– Молоток, зёма, – довольно сказал он.

– Да подержите её кто-нибудь! – рявкнул Кирилл, бросаясь назад.

Раиса Петровна уже сползла с крылечка и сидела в траве, рыдала, широко открывая рот. Кирилл пролетел мимо, взвился на крыльцо, ворвался на полутёмную веранду. Он дернул за ручку дверь в дом. Дверь была заперта изнутри. Из-за двери донёсся слабый крик Лизы, похожий на стон. А может, это и был стон? Может, Лиза сама звала Годовалова в гости, и Верка была права?..

Кирилл замер, не зная, что делать. Всё это было нестерпимо нелепо. Причём тут он? Здесь, в деревне, уже не люди – так, какие-то человекоподобные существа, бандерлоги, троглодиты. У них своя жизнь, свои правила, свои отношения... Они друг с другом пьют, друг у друга воруют, друг друга имеют, варятся в своём котле... Они уже не из нормального мира, который с онлайн-трансляциями, шаттлами, дауншифтингом, стритрейсерами, феттучини альфредо... Они живут в своей гнилой вечности, где на гнойнике одного поколения нарастает гнойник другого, и эта простейшая грибница поганок не знает смерти, повторяясь, повторяясь, повторяясь...

Рядом с Кириллом в дверь шлёпнулось какое-то тело. Эта была всё та же Верка, её никто не стал держать у ворот. Верка заколотила в дверь кулаками, заревела коровой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.